

Виктор ЛЫСЕНКОВ

Было
время,
были
люди...

Виктор ЛЫСЕНКОВ Было время, были люди...

Виктор ЛЫСЕНКОВ

**Было время,
были люди...**

Рассказы, очерки

Серебро Слов
2020

УДК 821.161.1 + 908
ББК 84(2Рос=Рус)6 + 63.3(2Рос-4МО)6-8
Л 88

Посвящаю

моей супруге Любови Николаевне Лысенковой,

нашим родителям

*Клавдии Ивановне и Ивану Алексеевичу Лысенковым,
Александре Михайловне и Николаю Ивановичу Гончаровым,*

*сыну Андрею и его супруге Ольге Лысенковым,
дочери Елене и её супругу Фёдору Романовым,*

*внукам Софье и Дарье Лысенковым,
Александре и Дмитрию Романовым,*

*моим братьям Анатолию, Борису, Сергею,
Владимиру, Ивану Лысенковым
и сестре Антонине Морозовой,*

родным и друзьям.

Лысенков В.И.

Л 88 **Было время, были люди...** Рассказы, очерки / *Виктор Лысенков.* – М.: Серебро Слов, 2020. – 105 с.: ил.

В новой книге известного литератора и краеведа в коротких зарисовках представлена ретроспектива жизни советской глубинки минувшего века. Автор сочно, метафорично и с немалой долей иронии очевидца рисует образы простых людей, перипетии судеб и событий уходящей эпохи. А в документальных очерках он бережно, по крупицам восстанавливает историю ратного пути земляков – истинных героев двух Великих войн двадцатого столетия, высвечивает портреты писателей, своей самобытностью оставивших яркий след в отечественной литературе. Темы, затронутые в книге, как никогда актуальны в условиях современного, зачастую противоречивого, осмысления отечественной истории и бытия. Книга интересна самому широкому кругу читателей и, несомненно, краеведам.

*Фотографии из личного архива автора
(пояснения к фотографиям на стр. 102)*

ISBN 978-5-907316-45-4

© Лысенков В.И., 2020
© Лысенков В.И., обложка, 2020
© Серебро Слов, 2020

Часть жизни

*Моментом в миллионе лет
Зовётся жизнь.*

Scorpions

Пусть год прошедший бусинкой нанизан
На леску жизни, как и все года,
Есть промежуток времени – часть жизни, –
Который мы запомним навсегда.

На склоне лет остатки дней так сладки.
Но, может, и не сладки – что ж, Бог весть...
Часть жизни все мы ищем недостатки,
Часть жизни мы довольны тем, что есть.

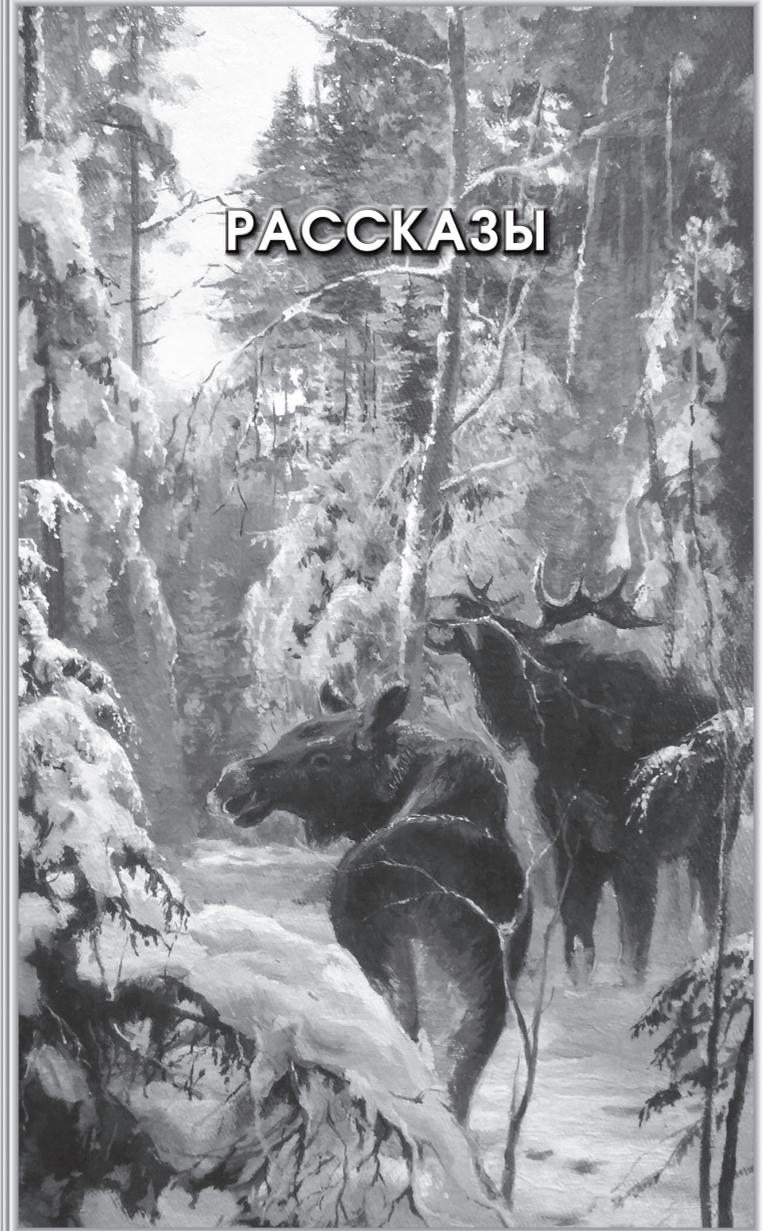
Мир ценностей подчас обманчив, зыбок,
И в нём нужда летит сквозь наши дни...
Часть жизни мы не ведаем ошибок,
Часть жизни мы за то себя виним.

Наш вкус изменчив, к роскоши стремимся,
Но часто не хотим мы ничего...
Часть жизни одиночества страшимся,
Часть жизни мы приветствуем его.

Бедняк, богач или талантом признан,
Тихоня иль привык сплеча рубить,
Ты будешь вспоминать все части жизни
И, примирившись, каждую любить.

Андрей Лысенков

РАССКАЗЫ

Страсти-мордасти

Известно, что человеческая память – дама капризная. Порой не можем припомнить событий прошлой недели. А то вдруг – из-за случайной безделушки, незначительной фразы, неожиданной встречи – нахлынет нечто из давно забытого, далёкого...

До поступления в столичный вуз жил я в небольшом лесном посёлочке. Это сейчас Подмосковье плотно заселено, а в середине ушедшего столетия о дачах и загородных домах люди даже не мечтали. Школа находилась в соседней деревне – в трёх километрах: сначала надо было пройти лесом, потом полем, через речку и снова полем. Зимой метели заставляли нас, ребятню, всякий раз наугад торить новый путь, проваливаясь в сугробах по самую грудь. Через речку наши родители строили каждый год «лавы» – дощатые мостки, которые в разлив благополучно сносило ледоходом. Поэтому по весне дорога к знаниям удлинялась втрое – через автомобильный мост. Всё бы хорошо весной: солнышко пригревает, птичий гомон, пора берёзового сока, но...

Весенний поход в школу и обратно проходил через старый погост. В пору моего детства страшилки были другие. Не то что сегодня – отморозки да маньяки. Мы тогда в ночном полумраке зловеще-замогильным шёпотом пересказывали друг другу истории про кровожадных мертвецов, злых колдуний, леших, вампиров и прочую нечисть. И ведь был случай, когда я, кажется, испытал всю эту жуть наяву: леший меня по болотам два долгих круга водил. Но об этом как-нибудь в другой раз.

Учились мы в две смены, так что либо утром затемно идёшь через кладбище, либо вечером. Что такое уличное освещение, мы, конечно, знали – у нас на столбе около барачков тоже фонарь маячил. Но за пределами его жёлтого круга единственными источниками света оставались луна и звёзды. У луны свой строго заведённый график, посему зачастую довольствовались только звёздами, если небо, опять же, было безоблачным. Но всё это я повествую пока лишь для понимания общей обстановки.

С внешним миром нас связывал и автобусный маршрут. Он проходил километрах в трёх от посёлка. За околицей на пути к остановке автобуса нужно было преодолеть глубокий овраг. А дальше сплошной стеной стоял лес, не знавший в своей чащобе ничего про санитарную рубку и уборку сухостоя. Через дебри вела узкая лесная тропа с колдобинами, выпирающими из земли оголёнными щупальцами корней и непересыхающими лужами, подпитываемыми близким болотом.

По этой вот стёжке немногие жители посёлка с утра пораньше, в одиночку или по двое-трое, спешили на работу в районный центр или в Москву. Моя мама тоже трудилась в городской больнице. Нас у неё росло семеро: шесть сыновей и дочка. Среди братьев я – меньшей. Отец наш из жизни ушёл рано, когда мне было пять лет, а сестрёнке – и подавно два годика. Чтобы прокормить такую ораву, мама ездила на работу в город – сначала автобусом, затем электричкой. Работа сменная, посему возвращалась зачастую уже поздним вечером. А осенью смеркается рано. Идти одной тёмным лесом и так не очень-то приятно, а вдобавок ещё руки тянет сумка с провизией – поселковая продуктовая палатка имела набор известный: хлеб, чаще вчерашний, карамель, печенье да лимонад с водкой.

Было мне в то время уже лет одиннадцать-двенадцать. Старшие братья вечерами, понятно, всегда заняты – у них друзья-кино-танцы... Встречать маму с работы – обязанность младшего (попробуй поспорить!). Жутковато было маме идти лесом от остановки одной – да и мне было жутко.

В тот осенний день погода была пасмурной, накрапывал дождь. Опустились сумерки, когда я отправился встречать маму.

В лесу не видно ни зги. Но это как-то уже привычно. Под ногами разглядеть ничего нельзя, да, собственно, в такой темени и под ноги смотреть бесполезно.

Стезя знакома до мелочей. Я шёл, задрав голову кверху, глядя на чёрные контуры вершин деревьев, чуть заметные на фоне тусклого неба. Память подсказывала, что вот у этой кряжистой сосны, например, так высоко выпирают мощные корни, что не мудрено и споткнуться, а возле этих берёз на дороге грязевой провал, да такой, что того и гляди утонешь. И такие приметки по всей дорожке: где обойти, где перелезть, где перешагнуть. В общем, своя дорожная грамота.

Встретиться с кем-то на тропинке почти никакой вероятности – интервал движения автобуса до часа и больше. Иду, по обыкновению про себя стишки разные декламирую, о страхе и подумать боюсь. Тишина невероятная, птиц не слышно, только ветер над вершинами посвистывает, да поскрипывают и потрескивают изредка стволы деревьев.

И вдруг слева от тропы послышались нарастающий хруст веток и пофыркивание. Леший! А может, медведь? Рассказывали, что у Дикого озера норы огромные видели. Стою и не шевелюсь...

Внезапно в паре метров на уровне моей головы из непроглядной чащи подлеска вываливается продолговатая, покрытая шерстью скуластая морда с большими

ушами и раздутыми ноздрями. Шумно втягивает воздух и громко фыркает. Ужас, оторопь, сердце – в пятках.

В упор уставились чёрные провалы глазниц. А сзади ещё одно чудище, но чуть ниже ростом. И тоже в мою сторону тянется.

Ошарашенный, я замер – ни жив, ни мёртв. Настороженное пофыркивающее обнюхивание длится, скорее всего, несколько секунд, но для меня – долгие минуты, а то и часы. Дышал ли я – не знаю, но звуков точно не издавал.

Нежданные чудища, вновь громко фыркнув, отступили и опять, хрустя ветками, пропали в чащобе.

Не сразу до меня дошло, что это были лоси, хотя и раньше я видел сохатых, но только издали. Придя в себя после этих страстей-мордастей, бежал к шоссе уже вприпрыжку. Отдышался только у автобусной остановки.

Наконец издали сумрак прорезали фары автобуса. Вот он остановился, и тут же из раскрытых дверей вышла мама. Не помню уже, что я рассказывал ей про «лосиные» страсти, но сам случай запал в память на всю жизнь.

Через многие годы та лесная встреча аукнулась самым неожиданным образом. Жил я уже в городе. Однажды замечательный художник Николай Долгополов по какому-то поводу принёс мне показать свои пейзажные холсты. С радостью созерцал я добрые полотна мастера.

И вдруг вспышка из чуланов памяти: на одной из картин узнал моих давнишних знакомых. Это были лоси. Пара на вечерней заре. И как будто на той самой лесной тропе. Красивые, гордые, в пол-оборота в упор смотрели на меня. Отличие лишь в том, что на полотне не поздняя осень, а искристая зима.

Теперь сохатые со стены моей спальни каждые утро и вечер дарят мне щемяще-радостные воспоминания, мои детские страсти-мордасти.

Пасхальное утро детства моего

...**Р**аннее утро, и меня пробуждает самый восхитительный запах – аромат горячих пирогов с капустой. И всё равно просыпаться не спешу. В школу идти не надо, ведь сегодня выходной день. И не просто выходной – сегодня Пасха! Мама вчера не ложилась спать допоздна: ставила тесто для пирогов, готовила начинку, стирала-гладила, прибиралась в доме.

Соблазнительно-мучительный запах свежей выпечки нестерпимо щекочет ноздри, и я, наконец, открываю глаза.

Вновь в этот праздничный весенний день светит яркое солнце (настаиваю, что ясная погода на Пасху раньше была всегда!). Яркости дню придаёт белый цвет, царящий в комнате – белая скатерть на круглом столе в центре, белые кружевные салфетки на телевизоре КВН-49, радиоле и этажерке с книгами, такие же подзоры у кроватей, белые чехлы на видавших виды стульях и диване. Это неременный мамин атрибут праздника.

А ещё у этой чистоты есть некая «осязательность»: может, это связано с особым запахом выскобленного ножом добела, подсыхающего дощатого пола, с упоительной свежестью внесённого с мороза белья.

...Вкусная, белоснежная картина детского пасхального пробуждения изредка является ко мне до сей поры, производя волшебный, успокаивающий, даже «терапевтический» эффект, зовя «нырнуть» туда хоть на краткий миг от бремени рутины и печалей.

Религиозности в нашей семье не было – в 1960-е советские годы это представлялось абсолютной нормой. Правда и то, что всегда стояла у нас на подоконнике мамина икона Спасителя в металлическом окладе, доставшаяся потом по наследству младшей сестре Тоне.

Но вот Пасху, или как мы её называли – «Паску», у нас праздновали ежегодно. Пекли пироги, и не только мои обожаемые с капустой, выпекали куличи, красили луковой шелухой яйца. Конечно, всё это не святили – единственная действующая церковь в нашей округе была ну очень далеко – в Левычине.

К завтраку обязательно приходил сестрёнкин крёстный – дядя Володя Воробьёв, весёлый, хромя на протезе (ногу потерял на Великой Отечественной войне). Он приносил крестнице разноцветные яйца и конфеты, которыми она охотно делилась с братьями. У других наших домочадцев крёстных не было.

Дядя Володя ненадолго присаживался к столу, отмечал со взрослыми рюмкой-другой праздник и спешил домой, где его ждали свои восемь детишек – на одного больше, чем у нас.

Ближе к полудню вместе с соседями все чинно отправлялись на Пукову гору – посетить на сельском погосте могилки умерших родственников и знакомых.

А дальше компания разделялась: взрослых ждало застолье с песнями и шутками-подколами, а ребятня принималась за игры.

Перво-наперво детки бились крашеными яйцами: у кого крепче, тот и получал трофей – яйцо проигравшего. Потом всё это сообща съедалось. И начинались игры и забавы на лавочке или на подсыхающих к этому времени проталинах – от простых «колечка» и «садовника», до требующих ловкости и удалства «клепней-лапты», «ножичков», «прятки-хороничек», «знамени», «вышибал» и «штандера».

А ближе к ночи, после киносеанса в клубе, обязательные рассказы друг другу страшилок где-нибудь в тёмном закутке либо на полу в барачном коридоре.

Небогатое, несытное время, зато сколько было простых искренних чувств, задушевной доброты, наивных радостей.

И сейчас в Пасхальное утро душа порой ещё ожидает, как в детстве, светлого праздника, яркого солнца, чистой белизны, дружеского общения и... маминых пирогов с капустой!

Кваску или водички?

У каждой пословицы либо поговорки, как известно, своя особая история. Порой грустная, но всегда поучительная. В нашей семье бытует своя поговорка-прибаутка: «Вам кваску или водички?!».

Мама рассказывала, как будучи ребёнком однажды ранним утром пошла со своей матерью и бабушкой в дальнее село к родственникам: в гости или по делам – неважно.

Про общественный транспорт тогда (20-е – 30-е годы прошлого столетия) в уездной глубинке и слыхом не слыхивали. Солнце поднималось, и день становился жарким. Шли долго полевой дорогой и к полудню приустиали. А главное – одолевала жажда. Прихваченную с собой в дорогу воду уже выпили.

Проходя через попутную деревеньку, постучались в ближайший дом. Вышла моложавая женщина, спросила: «Что вам надо?». Попросили попить. «Вам кваску или водички?» – вроде бы участливо спросила хозяйка. «Кваску было бы лучше», – ответили, тронутые таким гостеприимством. Женщина кивнула и ушла в дом.

Прождали почти четверть часа. Хозяйка не показывалась. Вновь постучали: вдруг забыла – замоталась с какими-то домашними хлопотами или, может, в подпол за холодным квасом спустилась. Опять появилась на пороге та же женщина. И, как ни в чём не бывало, спросила: «Вам что надо-то?». – «Да нам бы попить». В ответ услышали знакомое: «Вам кваску или водички?». «Водички, водички...», – замахали поспешно руками. Хозяйка кивнула и удалилась.

Прошло ещё минут с десятков. Припекало. Что происходило там внутри, неведомо. Ну, да и бог с ними! Ждать чего-то с малым ребёнком далее было уже не в состоянии. Постояли-постояли, да и пошли прочь «несолоно хлебавши». Жажду утолили на другом дворе.

Вот так и появилась в маминой семье поговорка, язвительно характеризующая верх безразличия с притворным радушием: «Вам кваску или водички?!».

Заточение в «университетах»

Давно подмечено, что, если в жизнь вошёл душевный разлад и трудно найти достойный выход из сложившихся вокруг тебя обстоятельств, обязательно привяжется недомогание, а то и болезнь. Как говорится: пришла беда – открывай ворота. Вот только что это? Расплата, наказание? А может быть, благо, скидывающее давление своеобразным предохранительным клапаном и дающее возможность круто, без «потери лица» и с пониманием окружающими изменить жизненный курс? Поиску решений помогает и сопутствующая изолированность от повседневных раздражителей. Не сразу это принимаешь.

После окончания московского вуза выбор места обязательной трёхгодичной отработки по распределению у меня был не велик. В родной город направлений не было – профильных предприятий не значилось, а блага я не имел. Остаться в столице без предоставления жилья – это мотаться каждый день из дома в дальнем Подмоскowie и полжизни провести в электричках. Или отправиться в захолустный посёлок инженером научно-испытательной станции известного московского НИИ, где крышу благоустроенную предоставляли. Согласился на последнее.

Посёлок оказался довольно современным: сплошь многоэтажки, соцкультбыт имелся, кругом молодёжь, работа в пяти минутах от дома. Что ещё надо бывшему студенту, не обременённому семьёй?

Поселили в комфортабельную двухкомнатную квартиру вместе с тремя молодыми специалистами из Белоруссии. Парни компанейские, добродушные.

Определили в научно-исследовательский и опытно-конструкторский отдел перспективных поисковых разработок. Согласитесь, звучит весомо. Положили оклад рядового инженера-конструктора в размере 105 рублей. Скромновато даже для середины 1970-х годов. Но я и раньше-то не шибко «барствовал»: родителей потерял рано, а потому кормил и одевал себя сам на стипендию да подработку грузчиком, токарем, ночным дежурным лаборантом.

Заместителем директора станции работал известный в отрасли учёный, изобретавший принципиально новый тип отечественного гусеничного и колёсного трактора – модульно-сочленённого(!), который обещал своего рода техническую революцию в сельском хозяйстве, да и не только там. Жуть как интересно! К тому же по окрестностям станции воочию накручивал километры некий прототип будущего чуда машиностроения.

Наш отдел был основным в этих инновациях. Но мало изобрести саму машину – надо доказать её полезность и будущую эффективность. И вот замдиректора выбрал меня для того, чтобы я занялся привязкой к новому трактору шлейфа производимых в стране сельскохозяйственных агрегатов: зерно-, картофеле-, хлопко- и прочих уборочных комбайнов, а равно других сеялок-веялок. И не просто назначил ответственным, но и включил в мою группу «агрегатирования» двух помощниц – инженера (кажется, с текстильным образованием) и техника-чертёжника.

От такого доверия я начал «фонтанировать» идеями. Некоторые предложения начальнику казались фантастическими, но потом он их всё-таки принимал и уже

спокойно выдавал за свои. Меня это тогда мало задевало. Просто удивляло: ворчал, что это глупости – и вот... Ну всё прямо по стадиям любого новаторства («слегка» перефразируя философа А. Шопенгауэра): «Сначала – бред, потом – вред, в конечном счёте – это же очевидно!».

Сидя только в кабинете, серьёзно заниматься механизмами и отслеживать перспективные разработки невозможно. Меня стали направлять в командировки на машиностроительные заводы, в профильные НИИ, на заседания всесоюзных отраслевых научно-технических советов. Сначала в Москве, затем в Таганроге, в Ташкенте...

Таганрог больше всего запомнился своей солёностью: солёный суп, солёное пиво, даже солёная водка – можно как-то вытерпеть, но солёная вода, солёный чай, солёный кофе!.. В общем, прелести приморского города.

Зимний, но солнечный Ташкент понравился больше. Изумил узбекский плов, которым угощали на приёме у заместителя министра сельского хозяйства Узбекистана. Золотистый цвет! Рисинка к рисинке! Волшебный запах! А вкус... – ум разъешь! Прошло сорок пять лет, а всё ещё чувствую его на языке. С тех пор, где бы ни угощали пловом, – всегда вижу только рисовую кашу.

Казалось бы, всё складывается удачно и на работе, и в личной жизни – женским вниманием не был обделён, а к одной подруге даже чуть ли не жить переехал. Но часто снились места родные. Душа, как птица из клетки, рвалась туда, где вырос. Да и перспективы ближайшей женитьбы что-то не привлекали вовсе (не нагулялся ещё!), хоть молодым семьям здесь квартиры давали быстро. Стали мучить думы о вариантах освобождения от крепостной зависимости и возвращения домой. Но ничего реального на ум не приходило.

Права поговорка: за всё нужно платить! Спустя немного времени по возвращении из Ташкента как-то странно

занеможил. Местный доктор определил желтуху. Звучало страшно. Тут же взяли под белые ручки и отвезли в неблизкий районный центр. Там сразу в отдельный бокс инфекционного отделения. Врачебный приговор: полный карантин – месяц одиночного заточения.

Вот и представьте себе: энергичного 23-летнего парня запереть одного в казённо окрашенной и кафелированной комнате, из которой запрещено даже нос высовывать в больничные коридор. А на дворе зима, за окном тускло и тоскливо, от тамбура запасного выхода тянет холодом. Нет не только телевизора, но и радио. Поговорить и то не с кем. Жуть и скукота. В общем, приговорили. И тут ещё эскулапы «издеваются» со своими уколами, капельницами и анализами!

Товарищи из посёлка приехали в первый выходной, а потом пропали: не ближний свет кататься на автобусе, чтобы поглядеть через окно на человека, которого знаешь меньше четырёх месяцев.

Моя пассия, которая ещё недавно шептала о страстной любви и настойчиво намекала на желание выйти замуж, так ни разу за месяц неволи и не появилась. Должно быть, испугалась сама или маменька её – заразный всё-таки. Я её не осуждал! Первое же испытание вовремя, наверное, нас развело. А неплохо было бы съесть чего-нибудь домашнего! Вот когда осознаёшь, что от родни далеко отрываться нельзя – даже по телефону никому не удалось сообщить о своей беде (не нынешние времена!). Но как-то перебилась и на больничных харчах.

Времени уйма, бока уже отлежал, спать не хочется, людей вижу пять-шесть раз в день, да и те с медицинскими манипуляциями или со столовой посудой. Заглядывала несколько раз за отделением со своей нуждой: нарисовать санбюллетень, начертить схему эвакуации при пожаре – мне не трудно!

Я мог бы от стерильной тоски сойти с ума, если бы не обнаружил в углу стопу журналов. Хвала медперсоналу, который не уничтожил их, несмотря на карантинный режим! Это же, наверное, с точки зрения санитарии – рассадник инфекции. А может быть, права народная мудрость: «Зараза к заразе не пристаёт».

Книги и газеты мне не были чужды и раньше – в детстве рядом с домом была хорошая библиотека. Но так, как в больничной палате, я не читал никогда – ни до, ни после. Названия всех изданий уже забылись, но точно помню, что многолетние номера журналов «Юность» и «Иностранная литература» я заглядывал от корки до корки – вплоть до выходных данных и состава редакционного совета.

Там была целая палитра жанров. Читал всё подряд: поэзию, прозу, публицистику, рецензии, предисловия... Что-то было и сиюминутное, но больше, как теперь понимаю, стоящее. Это были «мои университеты». Калейдоскоп информации по разнообразию не уступал настенному отрывному календарю-«численнику», который в моём детстве простым людям своей доступностью нередко заменял энциклопедии. Конечно, если бы не ограничение свободы выбора занятия и общения – вряд ли бы я переварил такой пёстрый ворох литературы.

Теперь уже охотно верю рассказам, как малограмотные, еле-еле окончившие церковно-приходскую трёхлетку революционеры начала XX века в тюремных камерах при системном подходе постигали определённый уровень образования, позволивший впоследствии им вершить государственные дела.

Кажется, что сейчас возможность получения информации возросла неимоверно: телевидение, радио, интернет, печатные издания чудовищно заполнили нашу жизнь. Ан, нет! Нарастающий объём пролетающего через наши

глаза и уши глотаются, но сознания не достигает. Нет никакой серьёзной мотивации его фильтровать и анализировать. При обилии информационного мусора, может, это и к лучшему?

Самое главное, месячное заточение в «университетах» располагало к спокойному раздумью о своих делах и проблемах.

Так или иначе, из больницы я вышел другим человеком. С «невестой» расстался сразу без выяснения отношений и надрыва. Представив в министерство предписание врачей о необходимости домашней диеты, получил нужное согласование и уехал в родной город, несмотря на подготовленный приказ о повышении меня в должности с полуторным увеличением оклада и соблазнением аспирантурой. Но, что более удивительно, к техническим пристрастиям вдруг добавились и гуманитарные, тяга к слову. И, кстати, недуг тот прошёл без последствий – наверное, первопричина его нашла разрешение.

Позже, через четверть века, в схожей, но более драматичной ситуации, я утвердился в мысли, что болезнь – это не столько испытание тела, в большей мере – это испытание души. Она во многом следствие движения в некий тупик. Можно, конечно, и лекарства горстями глотать, и на диеты сесть, и отдыхать больше. Но вернее будет задуматься о чём-то более важном для тебя. А если отмахнуться, перетерпеть, упорствовать – клапан сорвёт. И кардинальность решения должна быть соразмерна серьёзности недуга.

Правда, смущает одна загадка: когда болит уже везде, как угадать – что от чего?..

...И вдруг алтын

Виденный как-то комедийный фильм «Менялы» про авантюристов времён денежной реформы 1961 года напомнил о случае, давшем и мне возможность «нажиться» на том обмене дензнаков.

Приключилось это, когда изнашивалось пальтишко из чёрного бархатного плюша моей младшей сестрёнки Тони, собственно, далеко не первой его владелицы. Ему была уготована незавидная судьба доживать свой век хозяйственной тряпкой. Перед этим печальным «историческим» событием я (кажется, второклассник) заинтересовался пуговицами.

Интерес имелся чисто практический. Тогда популярна была игра в настольное лото. Замечу, это полезная семейная игра, развивающая память и логику. Но теперь в эпоху разных гаджетов в неё почти не играют. Там ведущий достаёт из мешка бочонки с числами, а игроки фишками закрывают на своих карточках клетки с оглашёнными номерами. Так вот, лучших фишек, чем пуговицы, для лото не найти.

На детском пальто было пять пуговичек – металлических кругляшей, обтянутых той же тканью, что и сама одежда.

Каково же было моё изумление, когда извлечённые кругляши оказались трёхкопеечными монетками дореформенной чеканки. Когда делали эти пуговицы, стоимость монет была ничтожной (говорят, чеканка 1 копейки обходилась аж в 16 копеек). Купить перед деноминацией

на три копейки вряд ли что было можно – магазинная пуговица стоила намного дороже.

Но при проведении реформы старые монеты в 1, 2 и 3 копейки неожиданно сохранили свой номинал, то есть сразу стали в десять раз дороже.

Теперь представьте великую радость мальчугана – из ничего явилось 15 копеек. Это же верх мечтаний: целое сливочное мороженое.

Три копейки когда-то назывались алтыном. Вот и вышло прямо по пословице: «Не было ни полушки – и вдруг алтын!».

...Наутро весь обретенный пятиалтынный клад был сдан без остатка в магазин – в обмен на любимое молочное лакомство.

Так Падой и прозвали

Некоторые обитатели небольшого посёлка, где прошло моё детство, как, наверное, и повсюду, имели помимо фамилий ещё и прозвища. Разные. Порой обидные, но чаще – производные от имени или фамилии.

Запомнилось странное на слух прозвище одной женщины-соседки – Пада (с ударением на первый слог). Её имени, похоже, я и не знал совсем. Нам, ребятам, всё одно: Пада – она и Пада...

Как оказалось, у этого прозвища была своя курьёзная, но весьма драматичная история.

В середине прошлого века вагоны пассажирских поездов, проходящих по «чугунке» мимо нашей станции до Москвы, не имели автоматических дверей, потому их посадочные площадки оставались открытыми. Остановки на полустанках короткие, а сесть на поезд нужно было, поднявшись аж на высоту человеческого роста с земли (платформ ещё не строили), ухватившись за металлические поручни. И это требовало определённой сноровки.

В то злосчастное для соседки утро, когда все пассажиры кинулись осаждать прибывший поезд, она отчего-то замешкалась и подбежала к вагону, аккурат как состав тронулся. Ухватила за поручни, запрыгнула на подножку, а объёмистый тяжёлый мешок за спиной стал перевешивать назад, разгибая руки, не давая перехватиться и подняться по лесенке в вагон. Она безнадежно повисла, а поезд набирал ход. Стало страшно. Несчастная запаниковала и заголосила во всю мочь: «Уж я па́ду! Я па́ду!...».

И свалилась бы она со своей поклажей на всём ходу на шпалы, а то и на рельсы, угодив под колёса. Но вовремя подоспели мужики и втянули бедолагу в вагон. А потом уже со смехом пересказывали этот конфуз в самых забавных деталях: «Уж я паду!...».

Так Падой соседку и прозвали.

Киношное пророчество

Порой слышим, что некоторые сюжеты советского кино не совпадали с реальностью, были как бы из области сказок. Особенно «бытовые», лирические. Возможно, отчасти это и так.

Но вот история моей женитьбы, думаю, вполне вписывается в драматургию советского кинематографа о «современном человеке». При том, что её напророчила заслуженная российская киноактриса. Судите сами. Перескажу «сценарий» со стороны как зритель.

Он – молодой комсомольский работник двадцати пяти лет от роду. Назначен районными властями руководить шефским ударным молодёжным отрядом на прополке овощей обширных совхозных плантаций у Москвы-реки. Каждый будний летний день с утра пораньше заспанные юноши и девушки, посланные с различных предприятий города, на большом автобусе выезжали на борьбу за урожай.

Кино без музыки не бывает, и лейтмотивом напрашивается песня из фильма о комсомольцах-добровольцах: «Хорошо над Москвою-рекой услышать соловья на рассвете...».

Надо отметить, работа была нелёгкой: в открытом поле под палящими лучами солнца на грядках, влажных после полива, согнувшись в три погибели, выдёргивать закорневшую агрессивную массу сорняков. И не пару-тройку часов, а весь рабочий день с перерывом на обед в совхозной столовой. Не каждый так сможет. И к тому же, эти полеводческие трудодни оплачивались

до смешного дёшево – практически только на обед и хватало (благо родное предприятие продолжало выплачивать средний заработок). В таких условиях энтузиазм быстро улетучивается. И руководителю приходится изыскивать возможности не только «кнута», но и «пряника». То соревнование между бригадами за вкусный торт устроить, то артистов в поле привезти, то в выходной экскурсионную поездку организовать. Но, так или иначе, сменяемость в отряде была высокой – больше месяца редко кто выдерживал. И только командир до ранней осени бессленно был в борозде. В общем, за кадром вполне может звучать мелодия песни «Выходил на поля молодой агроном...».

Её – Любашу, молодого бухгалтерского работника – направили в комсомольский отряд на целый месяц заменить уже отработавшую свою смену коллегу. Не нравилось ей всё: ранний подъём, неквалифицированный труд, жара, ветер, непогода, грязь, нескончаемые грядки, уходящие за горизонт... И этот шибко строгий, даже нудный комсомольский начальник, который постоянно крутится возле них, – он, оказывается, давно знаком с её рядом работающей подругой. Очень уверенный в себе парень, наверняка семейный, детишек куча. Всё время подшучивает да подкалывает.

Хоть не в тему и как бы не к месту, но фоном можно пустить песню «...Парней так много холостых, а я люблю женатого».

Он – Виктор – на самом деле не женат, но и не одинок. В отряде много симпатичных девчонок, но при установившемся на лето жизненном режиме для нового флирта как-то ни времени, ни сил не остаётся. Чем-то зацепила черноволосая Люба – подружка хорошей знакомой. Ладная, трудолюбивая, спокойная, скромная, но открытая. Непроизвольно стал чаще задерживаться рядом.

По законам жанра во время воскресной экскурсии в Суздаль, то ли случайно, то ли нет, они в автобусе оказались рядышком на одном сиденье. Всю дорогу болтали, шутили, пели песни. Но ничего большего. Не последовало и романтического продолжения. Виделись только в поле. Да и жили они в разных концах города – по прямой и то аж полтора десятка километров.

Пролетел месяц, и в последний день пребывания Любы в отряде, перед неизбежным расставанием, он неожиданно для неё, а может быть, даже и для себя самого, вдруг прилюдно, как бы полушутя-полусерьёзно, сказал:

— Я жду тебя в понедельник в 9 часов у ЗАГСа, пойдем подавать заявление.

Ну чем не киношный поворот сюжета?

Люба не знала, как отнестись к этому предложению. Он ей нравился, но к такому развитию событий не была готова. Кроме как на работе и в той поездке, они не общались. И если всё так серьёзно – почему не пригласил на свидание в выходные дни? В итоге приняла эти слова как шутку.

В понедельник на работе, рассказывая о завершившейся командировке, поделилась с коллегами и этим эпизодом. Все нашли его забавным. Тем более что по понедельникам в ЗАГСе день неприятный.

И вдруг телефонный звонок: молодой человек с обидой вопрошал, почему она не пришла, – он взял на работе отгул и уже давно ждёт у дверей брачного учреждения.

Пришлось объяснить ему, что так быстро серьёзные дела не делаются и надо хотя бы родителей поставить в известность, да и ЗАГС сегодня закрыт.

Он приехал к ней к концу рабочего дня. Весь отдел специально задержался на службе – ну страсть как любопытно увидеть необычного жениха.

Затем состоялось знакомство с её родителями (у него родителей уже не было). Сказать, что это для Александры Михайловны и Николая Ивановича стало громом среди ясного неба, – не сказать ничего. Гость своей непринуждённостью и весёлым напором просто ошеломил будущих тещу и тестя, застав тех врасплох.

На этой сцене экран гаснет, и через секунду – новые декорации.

Свадьбу играли 6 октября 1979 года на турбазе химкомбината в Берёзовке. Гостей под сотню, гуляли два дня, было весело...

Если бы это был киносценарий, то тут на фоне радостных лиц молодожёнов и неперемного марша Феликса Мендельсона могли появиться титры: «Конец первой серии. Продолжение следует».

С той поры минуло много лет, уже давно и серебряную, и рубиновую свадьбы отметили. В доме совет да любовь. Выросли и создали свои семьи сын Андрей и дочь Елена, растут любимые внуки Сонечка, Дашенька, Сашенька и Дима.

Спросите: кто бы мог заранее это всё предвидеть? Отвечу: актриса кино и театра, заслуженная артистка РСФСР Валентина Владимировна.

И вот начинается вторая серия, которую по хронологии можно вполне определить ныне модным английским словом «приквел» – то, что предшествовало показанному ранее.

В последних числах января того же 1979 года на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку Воскресенского химкомбината прибыл агитпоезд ЦК ВЛКСМ «Ленинский комсомол». Он отсюда стартовал в железнодорожную поездку по молодёжным стройкам Советского Союза. Несколько красочно оформленных вагонов остановились на три дня на станции Воскресенск. В них

разместились кинозал, книжный киоск и ещё что-то. А в купе – музыканты, танцоры, лекторы, артисты. Мне поручено денно-нощно помогать гостям в бытовых проблемах: поесть-попить и прочее, сопровождать на выступления в заводских цехах.

Здесь я познакомился с актрисой Валентиной Харлампиевны Владимировой. Тогда она была одной из самых снимаемых и любимых актрис советского кино, играла простых русских женщин, была настоящим мастером эпизодической роли. Её запомнили по фильмам «Председатель», «Женщины», «Не забудь... станция Луговая», «Любушка», «Самый медленный поезд», «Угрюм-река», «Шаг навстречу», «Тени исчезают в полдень» и многим другим. Незадолго до приезда в Воскресенск состоялась премьера кинокартины «Белый Бим Чёрное ухо», где Валентина Харлампиевна сыграла злую тётку-соседку. А вообще она была женщиной доброй, весёлой, «незвёздной». С ней было легко и приятно общаться.

Наверное, и я ей понравился, потому что по прошествии трёх дней, при прощании, она подарила свою фотографию с тем самым псом Белым Бимом – Стёпой. И надписала пророческий автограф: «Дорогой Виктор! Желаю, чтобы наступивший 1979 год принёс Вам радость, удачу, счастье и пожизненно-верную подружку! 1-II-79. Ваша Валентина Владимировна». Потом улыбнулась мне и добавила: «Приглашайте на свадьбу. Приеду», – а на обороте фотоснимка дописала свой московский домашний телефон.

Через полгода пророчество сбылось – есть у незаурядных людей дар предвидения!

Об одном очень сожалеем с Любашей – постеснялись тогда провидицу нашего семейного счастья пригласить на свадьбу.

Тарасик

Наверное, вы тоже видели горе тех, кто потерял домашнего любимца – собачку или кошечку. Хозяева не могут найти себе места, страшно переживают, ночами не спят.

Помню, и сам испытал нечто похожее, когда померла черепаха, жившая у нас лет восемь.

Рептилию эту купили под слёзные мольбы сына, горячо уверявшего, что будет ухаживать за ней вечно. Но, как водится, хватило его лишь на пару недель. Затем обихаживать живность – кормить, поить, купать, выгуливать, убирать помёт – как-то само собой легло на мои плечи, потому что дал себя уговорить. Сын не совсем от забот устранился – нет. Он с завидным красноречием писал сочинения о забавной жизни черепах, за что получал в школе довольно высокие оценки.

После печального погребения черепашки, смахнув набежавшую скупую мужскую слезу, я окончательно зрёкся заводить в доме зверушек, птичек и всяких рыбок.

Вообще, домашние животные тоже разные бывают, в том числе экзотические. И сколько же о них бытует историй и баек...

Например, у моих друзей в студенческом общежитии как-то завёлся мышонок.

Сам по себе факт удивительный – откуда, если у парней припасов хоть шаром покати? Там всё съедобное в один миг сметалось. Сытых студентов не бывает! Но мышонок об этом не знал.

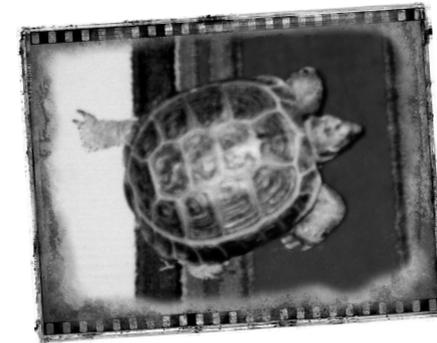
Ещё удивительней было то, что он оказался храбрым: ближе к ночи выбегал из-под шкафа и в полумраке пыльной лампочки, морща нос, с любопытством озирает, блестя чёрненькими глазками, людское хозяйство. Поначалу он далеко от своего убежища не отходил, но со временем вполне освоился.

Парни тоже постепенно привыкли к смышлёному соседу. Стали делиться своим пайком: кусочками хлебца, сальца, другой провизией. С чьей-то лёгкой руки к нему прилепилось имя Тарас – Тарасик.

В угоду новому постояльцу пришлось даже отказаться от традиции выключения света броском тапки по выключателю – как бы ненароком Тарасика не зашибить. Только представьте: последний отходивший ко сну должен был тащиться к выключателю и уже в темноте возвращаться в свою кровать.

И длилась бы та идиллия, может быть, все студенческие годы. Но однажды Тарасик не вышел из-под шкафа. Сперва не придали этому значения: мол, нашёл себе подружку – погуляет-погуляет с ухажёркой, да и вернётся в мужскую компанию. Но день прошёл, два – гулёна не возвращался. Тут невзначай заглянули в шкаф: на нижней полке под упавшим сверху хламом лежал погибший Тарасик.

Горевали сильно. Поминки по Тарасику справляли аж три дня...

Беглый арестант

Случилось это в самом начале 1960-х годов. Наш шлакоблочный барак в маленьком подмосковном лесном посёлке, где в многочисленных комнатах с общим коридором по-своему счастливо проживало более полусотни человек, имел большой чердак.

Большой-то он большой, но бестолковый. У него не было пола – угольный шлак из котельной лежал россыпью прямо на подшивных досках, поэтому залезать на чердак, а тем более ходить по нему было рискованно, и родители нам лазить туда запрещали. Даже извечный для нашей за-пасливой души домашний хлам и то туда не клали, боясь обвала. Только изредка кто-нибудь в ненастье, осторожно перемещаясь по балкам, вывешивал бельё для просушки. Слуховые окна были забиты кусками фанеры, поэтому сумрак никогда не покидал чердак.

Как-то осенью поутру на нашем чердаке вдруг кто-то обнаружился. Естественно, бабы (мужики же вечно чем-то заняты!) – кто побоевей – с опаской поднялись по лестнице, чтобы дознаться: кто и зачем свалился на наши головы. Отродясь такого не бывало! Да и дети кругом: как бы непрошенный гость их не обидел.

В потёмках разглядели забившегося в угол долго-вязого, худого паренька. Мне, тогда ещё, может быть, восьмилетнему, и то он показался совсем молоденьким и болезненным. Затравленно сжавшись, он признался, что сбежал из-под ареста.

Стали думать, что делать с беглым. Заявить в милицию? Но чувства опасности парень не вызывал,

и материнская жалость к хворому и голодному пере-силила законопослушание.

Надо иметь в виду, что в «ту пору чудесную» бывшие узники промеж соседей не были в диковину – многие тогда сиживали отнюдь не за злодеяства.

Женщины тут же понанесли бедолаге нехитрой сне-ди, и тот с жадностью накинулся на неё. Долгонько, видать, не ел...

Новость взбудоражила весь двор, но никто так и не додумался позвонить «куда следует».

И это притом, что двери почти всех барачных комнат не имели запоров ни днём, ни ночью. Скажете: подум-маешь, что можно было в то время у простых трудяг взять? Положим, взять в доме всегда что-то можно: не в крошечной же нищете жили – скарб всё же кое-какой был, одежда там, часы, радио, припасы и тому подобное. Просто детей было в семьях много – двери за ними открывать-закрывать замучаешься, никаких ключей не напасёшься. Да и доверие к соседям было почти безграничное – хорошо ведь знали, кто чем дышит за тонкими-то перегородками. Чужие в лесном посёлоч-ке – редкость.

Так и прожил три дня в своём убежище на обще-ственных харчах юный уголовник. Какой уж там грех за ним водился, не ведал никто, но вёл он себя тише воды, ниже травы.

А тут на общую беду вышел из очередного запоя быв-ший участковый, изгнанный в своё время из органов то ли за пьянство, то ли за бессовестное использование своих властных полномочий, потому не особо жалуемый соседями. Он-то и «стукнул» бывшим коллегам, и участь горемыки была решена.

Других – за недоносительство – не привлекли...

За погрузку замков

Утверждают, что, когда с похмелья «горят трубы», плохо работает «соображалка». Бывает и по-другому.

Наш сосед – дядя Витя – трудился в 1960-е годы в профсоюзном доме отдыха водителем грузовика ГАЗ-51А, да вдобавок к нему – ещё и автобуса ЗИЛ-155. В ту пору шофёр – человек уважаемый, считай особая каста в рабочей среде. В технике – дока! Деловой – к начальству близок! Цену себе знает – всем нужен! В рейсе – зачастую сам себе хозяин. И всегда имеет что выпить. Или почти всегда.

Если магарыч не случался, то такой хитрован находил способы подзаработать, хотя бы на четвертинку – «чекушку». А надо заметить, с устатку наш сосед был до водочки весьма охоч.

О новой выдумке дяди Вити ещё долго судачили и посмеивались в посёлке.

Пердимонкль приключился такой. Отрядили дядю Витю в магазин сельпо купить пару обычных амбарных замков. Командировали одного – без экспедитора и грузчика.

Вернувшись с покупками, он ничтоже сумняшеся предъявил в бухгалтерию авансовый отчёт, включавший два пункта:

«1. Покупка замков – 2 шт., ценой 1 руб. 89 коп. – всего на сумму 3 руб. 78 коп.

2. Погрузка замков – 2 шт. – всего на сумму 1 руб. 00 коп.

Итого: 4 (четыре) рубля 78 копеек».

...Директор и бухгалтер «трудоемкость» погрузки килограмма железок не оценили и пункт 2 безжалостно вычеркнули.

А фраза: «И за погрузку замков!» – стала чуть ли не местной поговоркой как ехидный намёк на плату за пустячную работу.

К последней инстанции

В начале девяностых годов работал я директором медицинского центра. Однажды, дело было летом, понадобилось срочно выехать в Москву для решения служебных проблем.

Когда я садился в машину – вазовскую «шестёрку» – кадровик зачем-то (даже не припомню зачем) всунула мне десяток трудовых книжек работников центра. Возвращаться в кабинет было некогда, да и, говорят, примета плохая. Не задумываясь, вложил я книжки в аккуратный портфельчик. А он, должен сказать, был добротный, достался мне как делегату одной высокой профсоюзной конференции. Кожа, конечно, не натуральная, но сделан был на совесть и красиво. Там, как всегда, лежало некоторое количество всяких служебных документов и, вдобавок, моё водительское удостоверение. В общем, уложил все бумаги в портфельчик и бросил его на заднее сидение. Водителем работал парень сноровистый, профессионал – уже часа через полтора мы прибыли к месту назначения, а вскоре, завершив казённые дела, решили кое-что закупить.

На выезде из столицы свернули к торговому центру. Остановились у обочины, что примыкала к скверу, и пошли за покупками.

Минут через двадцать возвращаемся. Смотрим: обе правые дверцы машины открыты. Хватились – пропал мой замечательный портфельчик.

Что делать, где искать воров? Посуетились, побегали, ещё посуетились – побегали... Всё без толку. А дело к ночи. Так «несолоно хлебавши» поехали домой.

Едем. Настроение, как говорится, ниже плинтуса. Про себя оцениваю ущерб и последствия. Портфель-то не жалко. Не жалко и бумаг. Даже водительские права не такая страшная потеря – хлопотно, но дубликат можно выправить. Досадно за трудовые книжки. И объяснить людям эту пропажу невозможно, а уж восстановить – трудов не счесть – надо будет им «оббегать» все прежние предприятия и учреждения.

Про бессонную ночь рассказывать не буду, сами понимаете...

Утром говорю водителю: «Саша, собирайся опять в Москву. Будем искать пропажу. Воры, как известно, ненужное им сбрасывают. На это вся надежда. Может, хоть что-то из документов найдём». Саша посмотрел на меня хоть и скептически, но с большим сопереживанием.

Поехали...

Сквер у магазина оказался не такой уж маленький – скорее всего это был край парковой зоны. Стали мы его «утюжить» – прочёсывать вдоль и поперёк.

На третьем часу водитель, не очень веря в нашу удачу, явно притомился. Стал напоминать, что пора бы и передохнуть-перекусить. Я же был ещё полон решимости «прошерстить» хоть весь парк.

Полчасика спустя и меня стал одолевать Сашин скептицизм. «Ладно, – говорю парню, – иди к машине, а я сейчас ещё вон по той тропинке пройду, и домой поедем».

Саша побрёл к стоянке, а я встал на дорожку и в отчаянии обратился к последней инстанции – к Всевышнему, хотя набожностью и не отличался: «Господи, наказал Ты меня, грешного, за ротозейство или какие другие проступки, но коллеги-то мои, медики, за что пострадают – они ведь людям столько доброго делают. Прости меня, помоги найти пропажу». И ещё что-то говорил, обещал,

умолял... Так как настоящих молитв не знал, то монолог мой был недолог, но искренен.

Вознеся мольбу, направился вглубь парка. Иду и намечаю: «Вон до той наклонённой берёзы дойду – там на земле, похоже, что-то белеется, и всё – вернусь к машине». Не поверите: ноги сами несут, до берёзы ещё добрая сотня метров, а в голову уже пришло озарение – там то, что ишу. Так и есть! Лежит куча моих бумаг, только немного ветром размётанная. Слава Богу, что дождя не было. Вот и дорогие мне трудовые книжки. Всё собрал. Пропали только портфель и водительское удостоверение.

...Через месяц и удостоверение мне совершенно бескорыстно вернул москвич, подобравший его где-то в глубине парка. Видимо, всё-таки «там» поверили искренности моих молитв. А иначе за что же явлены все эти чудеса?!

Звезда фронтового разведчика Ивана Лысенкова

Отца своего Ивана Алексеевича почти не помню. Мне было пять лет, когда он умер. В детских воспоминаниях только смутные картинки о том, как он качал меня на ноге, разрешал играть со свежеспавшими завитками древесной стружки из-под его рубанка. Да ещё остро врезались в память сами похороны, точнее тот страх, испытанный малым ребёнком при последнем поцелуе его иссиня-бледного лица, искажённого смертью до полной неузнаваемости.

Мама и старшие братья рассказывали потом, что отец был фронтовиком, имел на теле два страшных шрама от тяжёлых ранений: в правый бок и под лопаткой. Говорили также о том, что где-то в канцеляриях, вроде бы, затерялся его боевой орден Красной Звезды. Однако и сами братья мало что помнили из рассказов отца – тот не очень любил вспоминать войну. Когда же у меня проснулся настоящий интерес к семейным преданиям, спросить было уже не у кого – мама тоже рано ушла из жизни.

Так бы и оставался я в неведении, что в рассказах об отце – правда, что – легенды, если бы не обнаружил на

портале «podvignaroda.ru» подтверждения о награждении Лысенкова Ивана Алексеевича в 1944 году орденом Красной Звезды со ссылкой: «отметки о вручении награды нет» и копией наградного листа. После ответа из Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, знакомства с документами военной поры, воспоминаниями ветеранов удалось восстановить некоторые крупницы событий ратной жизни защитника Отечества.

Иван Алексеевич Лысенков (когда-то писалось: Лысёнков) родился 13 апреля 1914 года в многодетной семье в деревне Барабаново (сами жители называли её «Барабново») Каширского района Московской области (а тогда Каширского уезда Тульской губернии). Предположительно, что вообще-то род вышел из донского казачества.

По окончании местной семилетней школы выбирать профессию особенно не пришлось. Его деда и отца – известную в округе династию мастеров-краснодеревщиков – в своё время не раз приглашали даже на ответственные работы в Московском Кремле. И он потомственно стал столяром.

В 1935 году Иван был призван в Красную Армию – тогда воинская обязанность наступала с 21 года, а действительная военная служба длилась пять лет.

Горе зловещего 1937 года не миновало семью. Арестовали старшего брата Павла. 27-летнего деревенского парня объявили «врагом народа» и 3 октября расстреляли на Бутовском полигоне НКВД.

В 1940 году (но, может быть, и в 1939-м) в судьбе Ивана Лысенкова произошёл резкий поворот. Государство, развивая всеобщее образование, остро нуждалось в учительских кадрах, и толкового деревенского парня направили на учёбу в Серпуховское педагогическое училище, обеспечивавшее кадрами школы южных районов

Московской области, севера Тульской и запада Калужской областей. Впрочем, училище из-за начавшейся вскоре войны он так и не окончил.

В том же 1940 году 26-летний новоиспечённый студент женился на восемнадцатилетней девушке из города Серпухова Клавдии Ивановне Писаревой (она родилась 7 ноября 1921 года).

18 июня 1941 года в молодой семье родился первенец – сын Анатолий.

Но, как говорится, семейное счастье длилось недолго: через четыре дня началась война с фашистской Германией. И едва успевшего забрать из роддома жену с ребёнком отца направили на оборонное предприятие. Как известно, до лета 1942 года учителя не подлежали призыву, а заодно, видимо, и студенты педучилищ.

Тем не менее, 18 октября 1941 года Иван Алексеевич по направлению Каширского райвоенкомата ушёл в Московское народное ополчение. Мама с младенцем на руках осталась у родителей отца в деревне Барабаново.

Так сложилось, что осенью–зимой 1941 года Барабаново оказалась на самой линии фронта: что ни день – то немцы, то наши, то бомбёжка, то обстрел. Именно здесь танковая армия Гудериана прорывалась к Москве. Как утверждают фронтовые сводки, особенно ожесточённые бои за деревню, с применением крупных сил артиллерии и танков, пришлось на 27 и 28 ноября.

В общем, настоящих смертельных ужасов бабушка, дед (он умер, не дождавшись сына с войны) и мама с грудным ребёнком натерпелись сверх всякой меры.

Как проходила служба отца в народном ополчении мне пока неизвестно. История ополченческих формирований 1941 года вообще мало изучена. Полна героизма трагическая судьба первого ополчения июля 1941 года, буквально грудью защитившего подступы к столице.

13 октября 1941 года началось формирование второго Московского народного ополчения. Критическая обстановка, сложившаяся из-за гибели в окружении под Вязьмой нескольких наших армий и выхода немецких войск на ближние подступы к столице, потребовала немедленного ввода новых сил.

Из не подлежащих мобилизации жителей Москвы и Подмосковья создали четыре Московские стрелковые дивизии. Занимаясь боевой подготовкой, ополченцы несли службу боевого охранения, работали на строительстве третьего кольца обороны города (вплоть до Бульварного кольца), поддерживали порядок после введения в Москве с 20 октября осадного положения, участвовали и в боевых действиях на фронте. Как добровольческие, дивизии просуществовали три месяца.

17 марта 1942 года Каширский военкомат направил отца в начавшую формироваться в Серпухове 64-ю запасную стрелковую дивизию – в 433-й стрелковый полк. Его назначили в пулемётную роту. Пулемётная рота – по штату это 95 человек, 12 пулемётов Максима – состояла из командира, политрука, старшины, посыльного и трёх пулемётных взводов по 29 человек в каждом. Вскоре Ивана Лысенкова назначили старшиной роты.

64-я стрелковая дивизия (командир – полковник Александр Михайлович Игнатов) находилась в резерве Ставки Верховного главнокомандования – в составе 8-й резервной армии. С июня она дислоцировалась в селе Медведица на севере Сталинградской области.

16 августа 1942 года дивизию направили на фронт, и она с марша вступила в бой. Вот здесь, под Сталинградом, для Ивана Алексеевича Лысенкова и начался новый этап тяжёлого ратного пути

В конце августа распоряжением штаба Сталинградского фронта части 64-й стрелковой дивизии заняли

оборону в районе населённого пункта Спартак, северная окраина села Пичуга, с задачей не допустить передвижение противника на север вдоль правого берега реки Волги. В упорных и кровопролитных боях дивизия понесла большие потери, однако остановила продвижение врага.

В течение последующих четырёх с половиной месяцев она на Донском фронте в составе 66-й армии (командующие – генерал-лейтенант Родион Яковлевич Малиновский, затем – генерал-майор Алексей Семёнович Жадов) непрерывно вела активные боевые действия.

С ноября Иван Алексеевич участвовал в боях по окружению и разгрому войск противника под Сталинградом. К концу месяца дивизия закрепилась на рубеже железной дороги северо-восточнее села Орловка и сражалась тут до января 1943 года, после чего была выведена в резерв 66-й армии.

С 20 января дивизия вновь вела активные боевые действия по уничтожению окружённой в Сталинграде группировки противника.

С 27 января по 3 февраля 1943 года дивизия была переброшена в район города Сухиничи Калужской (а тогда – Смоленской) области, где вошла в 16-ю армию и сражалась на правом берегу реки Жиздры. С конца апреля она в составе уже 50-й армии вела оборонительные бои в районе села Щигры Жиздринского района Орловской (ныне – Калужской) области. Командовал 433-м стрелковым полком майор Александр Иванович Меньшов.

В этот период ожесточённых боёв, в июне 1943 года, старшина пулемётной роты Иван Алексеевич Лысенков был тяжело ранен. Началась госпитальная жизнь.

А тем временем 64-я дивизия (к концу войны, после боёв под Берлином – 64-я Могилёвская орденов Суворова и Кутузова стрелковая дивизия) ушла маршем в район

города Серпейска, где вошла в состав 38-го стрелкового корпуса 10-й армии и до ноября вела наступательные бои на Рославльском и Могилёвском направлениях.

После длительного лечения в госпиталях, 30 сентября 1943 года, отца направили сначала в 208-й запасный стрелковый полк, а на пятый день с маршевым пополнением – в распоряжение 31-й армии Западного фронта. Иван Алексеевич вновь оказался на передовой. Бывалого воина сразу определили в 340-ю отдельную разведывательную роту 274-й стрелковой дивизии.

Разведрота имела прямое подчинение командиру дивизии – полковнику Василию Павловичу Шульге.

Командовал ротой 23-летний отважный капитан Дмитрий Семёнович Тришкин, уроженец Кировского района Смоленской (а сейчас Калужской) области, который сам и в разведку ходил, и в захватах пленных участвовал.

274-я стрелковая дивизия второго формирования боевое крещение получила в июле 1942 года под Ржевом.

Ржеву гитлеровское командование придавало исключительное значение и делало всё для его удержания. Плацдарм, полтора года угрожавший Москве мощной группировкой германских войск армий «Центр», считается самым кровавым в той страшной войне...

Наши войска вели на ржевском направлении тяжелейшие бои. Были деревни, площадки, просто высоты, пригорки, за которые бились неделями. И гибли тысячами... Когда говорят, что ржевская земля полита кровью солдат, это не преувеличение. По мнению военных историков, потери на Ржевско-Вяземском плацдарме составили более одного миллиона трёхсот тысяч человек.

Участвуя в Ржевско-Сычёвской наступательной операции, полки 274-ой дивизии (961-й, 963-й, 965-й) отличились при штурме Ржева: они первыми ворвались в город.

Преследуя отступавших гитлеровцев, дивизия освободила десятки населённых пунктов Сычёвского, Новодугинского, Холм-Жирковского и Ярцевского районов Смоленской области и вышла на Днепр, где встретила упорное сопротивление фашистов и перешла к обороне.

В августе 1943 года в ходе Духовщинской операции 274-я стрелковая дивизия освободила город Сафоново.

15 сентября началась Смоленско-Рославльская операция. Прорвав оборону врага, уже на следующий день бойцы дивизии освободили город Ярцево. 19 сентября 1943 года приказом Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина за массовый героизм, проявленный при штурме города, 274-я стрелковая дивизия получила почётное наименование «Ярцевская».

В ходе дальнейшего наступления дивизия, преследуя отступающих гитлеровцев по старой смоленской дороге, 25 сентября заняла смоленский аэродром. Потом, наступая вдоль шоссе Москва–Минск, она вела упорные бои на реках, впадающих в Днепр.

Осенью 1943 года дивизия сражалась на Оршанском направлении в полосе предполья гитлеровской оборонительной линии «Пантера» в районе населённых пунктов Черноручье, Редьки, Судиловичи, Шуховцы.

Огромное значение придавалось ведению разведки. В тылу врага было проведено около сорока разведывательных поисков. В этой сложнейшей боевой обстановке старшина Лысенков быстро набирался опыта опасной работы фронтового разведчика.

Основное задание у разведчиков в поиске – это любой ценой достать «контрольного пленного» («языка»), разведать оборону противника, его ближние тылы.

Во вражеский тыл ходили в пределах двадцати километров, бывало с ночёвкой. В поиск набирались группа захвата и группа обеспечения (прикрытия). В первую

входило максимум пять человек, обычно три, иногда два. Её задача – захватить пленного. Задача группы обеспечения – дать выйти группе захвата с «языком», вызывая огонь на себя, отвлекая внимание противника. Вооружение бойцов разведроты – автоматы, гранаты, кинжалы. Проход к переднему краю противника через минные поля обеспечивали сапёры группы разграждения.

Своими частыми вылазками разведчики наводили панику в стане врага, уничтожали его живую силу, а через пленных и захваченные документы добывали ценные сведения для командования.

Всю осень и зиму 1943–44 годов войска Западного и 1-го Прибалтийского фронтов предпринимали попытки наступления на Витебск, но город немцам удалось удержать. На Витебской земле на территории Дубровенского, Лиозненского и Витебского районов дивизия воевала почти полгода – с 10 октября 1943 года по 23 марта 1944 года (в составе 36-го стрелкового корпуса 31-й армии и 65-го стрелкового корпуса 33-й армии).

В этот период жестоких боёв, где-то близ белорусских деревенок Гичи и Шуховцы, произошло событие, ставшее поводом к награждению старшины Ивана Алексеевича Лысенкова боевым орденом (вообще-то, разведчиков наградами не баловали: считалось, что смертельный риск – это просто особенность их повседневной боевой работы). Вот как характеризуют смельчака скупые строки наградного листа (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 2485, Л. 81):

«В разведке недавно, но и за это время сумел себя проявить как смелый и решительный разведчик. Неоднократно действуя в боевой разведке, он показывает образцы мужества и отваги. Так, действуя в боевой разведке в ночь с 9 на 10 октября, он в числе передовых смело выдвинулся к проволочному заграждению

противника. В ночной тьме едва различались контуры проволочного заграждения противника. Неожиданно немецкая разведка, действовавшая в этом же районе, наскочила на Лысенкова и ещё двух разведчиков. Лысенков смело принял бой и огнём своего автомата и ручными гранатами отбил нападавших на них фрицев, зашедших им в тыл. В этом бою Лысенков убил 3-х фрицев. Взяв у убитых документы, он благополучно их доставил в штаб. За свои смелые и решительные действия достоин правительственной награды ордена «Красная Звезда».

Командир 340 отд. разведроты капитан Д. Тришкин. 11 ноября 1943 г.».

Этим ночным рейдом доблестные дела разведчиков тогда не завершились – в Журнале боевых действий дивизии за 10 октября 1943 года читаем короткую запись: «Дивизионной разведкой взят пленный».

Но получить награду Ивану Алексеевичу ни тогда, ни позже не довелось. 25 декабря 1943 года в бою на подступах к Орше у деревни Лобаны смелый разведчик был тяжело ранен вторично.

О своём награждении орденом Красной Звезды он видимо слышал, уже находясь в военном госпитале. Награда героя не нашла ни при жизни, ни после.

Вероятно, потому, что в январе был ранен командир дивизии генерал-майор В. П. Шульга, и приказ о награждении разведчика он подписал только 22 марта 1944 года, а уже на следующий день дивизия сдала свою полосу обороны и была выведена в резерв. После пополнения её включили в 61-й стрелковый корпус 69-й армии 1-го Белорусского фронта.

За активные боевые действия, мужество, отвагу и героизм в сражениях с фашистами дивизия награждена

орденами Суворова II степени и Красного Знамени. Однополчане старшины Лысенкова, разведчики 340-й отдельной разведроты Николай Иванович Меньшиков, Пётр Фёдорович Шепилов, Владимир Яковлевич Селивёрстов стали полными кавалерами ордена Славы. Командир дивизии генерал-майор Василий Павлович Шульга удостоен звания Героя Советского Союза.

День Победы 274-я Ярцевская Краснознамённая орден Суворова II степени стрелковая дивизия встретила на реке Эльбе под Магдебургом, где после участия в Берлинской операции добивала отказавшуюся капитулировать группировку фашистов.

А для 29-летнего старшины Лысенкова ратная служба закончилась годом раньше. После многомесячного лечения в госпитале Краснополянского района (сейчас в черте подмосковного города Лобни) и последующего долечивания, в том числе и по месту жительства семьи, он был комиссован и Раменским военным пересыльным пунктом Мособлвоенкомата отправлен в Москву на Сборный пункт Мосгорвоенкомата (посёлок Тестовский на Красной Пресне), а оттуда 8 октября 1944 года как учитель направлен в распоряжение Наркомпроса (Народного Комиссариата просвещения). И, наконец, окончательно вернулся в родительский дом к жене и сыну.

Жизнь пошла своим чередом, и её надо было налаживать... 15 февраля 1945 года родился второй сын – Борис. Потом с завидным постоянством каждые два – два с половиной года в семье нарождались мальчики: 11 июня 1947 года – Сергей, 26 октября 1949 года – Владимир, 28 января 1952 года – Иван, 4 апреля 1954 года – Виктор. И только 7 января 1957 года появилась на свет дочка, которую назвали Антониной.

В 1947 году отец с семьёй (уже было трое детей) переехал в Виноградовский район Подмосковья,

в сельскохозяйственную коммуну (колхоз) «Авангард», находившуюся между деревнями Губино, Ворыпаево и Ванилово (посёлок имени Цюрупы), на левом берегу реки Нерской. Там председателем был родственник жены – Григорий Лялин, давно обосновались её сёстры Александра Писарева и Валентина Силаева, тётя и другая родня.

В 1948 году родители решили попытаться счастья в Восточной Пруссии, отошедшей после войны к Советскому Союзу. Правительство усиленно зазывало туда переселенцев: немцы все выехали, нужны были руки для освоения присоединённых территорий. И там уже обосновались родственники – Куренковы.

Поехали с малыми детьми под Кёнигсберг, ставший к тому времени Калининградом. В качестве подъёмных получили корову и поросёнка, а также четверть дома на болотистом берегу залива.

Но что-то на чужбине не сложилось. Через год все вернулись в подмосковный Виноградовский район, в коммуну «Авангард».

А тут, в начале 1950-х, в связи с очередным укрупнением сельхозпредприятий коммуну расформировали, объединив с Губинским колхозом. Большинство «коммунистских» предпочли перейти на работу поближе – в соседний дом отдыха «Виноградово» ЦК профсоюза работников электропромышленности, переименованный впоследствии в дом отдыха «Конобеево» (теперь здесь обосновался учебно-оздоровительный центр). Там и работал бывший разведчик столяром-плотником. А по прошествии трёх лет семья (уже с шестью детьми) переехала туда и на жительство, получив 24-метровую комнату в одном из служебных бараков.

Фронтовые раны не давали покоя и омрачали его жизнь. Также тяжело будоражили память и не отпускали

остро пережитые на войне боль, страдания, пресс смертельной опасности, кровавые бои, артобстрелы и бомбёжки, боестолкновения «глаза в глаза» с противником, гибель товарищей...

29 июня 1959 года в семью пришла беда – в 45 лет Иван Алексеевич внезапно ушёл из жизни. Похоронили его на старинном Никольском погосте на Пуковой горе.

Три фронтовые медали ветерана: «За оборону Сталинграда», «За оборону Москвы» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» – стали игрушками маленьких сыновей, да так и затерялись.

Моей матери, Клавдии Ивановне, пришлось поднимать одной семерых детей: старшему восемнадцать лет, а младшей только два годика. Бог дал маме доброе открытое сердце. Её приветливость, юмор, оптимизм, певучесть перешли по наследству, пожалуй, всем детям.

За воспитание семерых детей Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 27 марта 1958 года мама награждена орденом «Материнская слава» III степени, до того ещё и двумя медалями Материнства I и II степеней.

Последние девять лет она работала в нервном (так записано в её трудовой книжке) отделении больницы медсанчасти Воскресенского химкомбината.

Умерла Клавдия Ивановна 12 октября 1973 года, не дожив месяца до своего пятидесятидвухлетия. Упокое-ние нашла на Пуковском кладбище у самого подножия к тому времени полностью разрушенной церкви Николая Чудотворца.

Дети фронтовика выросли достойными людьми, создали свои семьи. Родилось девять внуков и уже шестнадцать правнуков.

...А отцовская награда отыскалась только через семьдесят лет. Много их ещё по архивам, так и не нашедших своих героев.

24 ноября 2014 года руководители администрации Воскресенского района и военного комиссариата вручили семье фронтовика удостоверение к ордену Красной Звезды, подписанное Президентом России В. В. Путиным. Самих орденов теперь почему-то не вручают. А жаль...

Один из внуков героя – Вячеслав Лысенков под впечатлением произошедшего написал совсем простые, но такие эмоционально проникновенные слова, которые дорогого стоят:

*Мы помним, что была война, что дед наш воевал,
Но только где и кем он был, никто из нас не знал.
Он никому и никогда про фронт не говорил,
А вот комроты в наградном всё ясно изложил.*

*Тех было шесть, а он один, и всё ж он принял бой,
Граната – взрыв! Огонь! Огонь! Друзей закрыл собой!
Когда рассеялся туман, зарозовел рассвет,
Вернулся в полк солдат Иван, а фрицев больше нет!*

*За подвиг бой тот не считал и продолжал служить,
Ещё не раз он смерть встречал, но оставался жить!
Ни похвалы и ни наград разведчик не искал.
Он честно долг свой выполнял, Победу приближал!*

*Но всё ж Звезда нашла тебя через десятки лет!
Потомки помнят о тебе – ведь ты герой, наш дед!
Примером в жизни будет нам, как Родине служить!
Спасибо, до земли поклон, тебя нам не забыть!*

Георгиевский кавалер Василий Андриянов

О событиях Первой мировой войны (1914–1918) мало что известно нашим современникам. А в своё время эта война именовалась не иначе как «Второй Отечественной» и «Великой». На фоне последовавших в России бурных событий минувшего XX века, когда бывшие однополчане оказались по разные стороны братоубийственной Гражданской войны, сражения и герои Первой мировой были незаслуженно преданы забвению.

Это повествование об одном из храбрых воинов той великой войны – уроженце деревни Губино Воскресенского района Подмосковья, полном георгиевском кавалере подпрапорщике Василии Ивановиче Андриянове (в некоторых документах – Андреев).

Родился будущий герой России в 1891 году в деревне Губино, тогда ещё Ашитковской волости Бронницкого уезда Московской губернии.

В 1913 году 22-летнего парня призвали в армию. Служить направили в 71-й пехотный Белёвский полк 18-й пехотной дивизии 14-го армейского корпуса, квартировавший тогда в местечке Ново-Александрия (ныне город Пулавы) под Люблином в Польше. Стоит напомнить, что Польша с 1815 по 1918 год была частью Российской империи.

71-й пехотный Белёвский полк имел славную боевую историю. Создан он был в 1763 году по указу императрицы Екатерины II и отличился во многих военных кампаниях как на южных, так и на западных рубежах России.

19 июля (1 августа по новому стилю) 1914 года Германия объявила России войну. Началась Первая мировая война, продлившаяся до 11 ноября 1918 года.

Варшавский военный округ вступил в войну одним из первых. 71-й пехотный Белёвский полк боевое крещение получил 4 августа под Красником.

Солдат Василий Иванович Андриянов за воинские подвиги на австро-германском фронте стал полным георгиевским кавалером, то есть получил Георгиевские кресты всех четырёх степеней.

Высшее воинское отличие, учреждённое 13 (25) февраля 1807 года императором Александром I для нижних чинов: солдат, матросов и унтер-офицеров, Георгиевский крест вручался исключительно за личное мужество, проявленное в боевых условиях на поле брани.

Кресты первой (высшей) и второй степени изготавливались из золота, третьей и четвёртой – из серебра. На георгиевской ленте у 1-й и 3-й степеней имелись банты, поэтому награждение четвёртым крестом составляло «полный Георгиевский бант».

«Георгий» был в Русской армии самой почётной боевой наградой. Заслужить его можно было, лишь совершив явный боевой подвиг. Статут награды ревностно оберегался. Награждались ею только за «истинно выдающиеся отличия».

Наш земляк Василий Иванович Андриянов получил полный Георгиевский бант в первый год войны, совершив подвиги как минимум четырежды.

Первый Георгиевский крест старший унтер-офицер (сейчас это соответствовало бы сержанту) Василий Андриянов заслужил уже через два месяца с начала войны.

Приказом по 71-му Белёвскому полку от 6 марта 1915 года № 72 (Здесь и далее РГВИА. Ф. 2685. Оп. 2. Д. 117, 118, 120, 143, 144) был объявлен список

награждённых командиром 14-го армейского корпуса генералом от инфантерии (сейчас это воинское звание соответствовало бы генерал-полковнику) Ипполитом Паулиновичем Войшин-Мурдас-Жилинским Георгиевскими крестами и медалями за выдающиеся подвиги храбрости и самоотвержения в боях против неприятеля с 22 по 24 сентября 1914 года.

Как явствует из приказа, «с.у.о. Василий Андрияновъ Георгиевский крест 4-й степени № 137315» получил за то, что вместе с рядовым 12-й роты Филиппом Лохматыным «под сильным и действительным огнём противника, руководя командой, были в течение боя на важном пункте, поддерживали связь наших войск /п. 21 ст. 67 стат. Георг. кр./».

Из статьи 67 Статута Императорского Военного Ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, принадлежащего к сему Ордену Георгиевского Креста и причисляемых к тому же Ордену Георгиевского Оружия и Георгиевской Медали о том, какие подвиги на поле брани награждаются Георгиевским Крестом:

21) Кто, при телеграфных, телефонных и сигнализационных работах, под сильным и действительным огнём неприятеля, руководя командой, или лично, будет в течение боя, на важном пункте, поддерживать непрерывную связь наших войск, причём действия эти послужат одною из главных причин достигнутого нашими войсками крупного успеха или предотвратят неминуемое поражение.

Это произошло в самом начале Варшавско-Ивангородской оборонительно-наступательной операции русских войск Юго-Западного (командующий – генерал от артиллерии Николай Иудович Иванов) и Северо-Западного фронтов (командующий – генерал от инфантерии Николай Владимирович Рузский) против германо-австрийских армий (15 сентября – 26 октября 1914 года).

14-й армейский корпус, в котором воевал наш земляк, вошёл в состав 9-й армии под командованием генерала от инфантерии П. А. Лечицкого.

Платон Алексеевич Лечицкий в начале войны командовал группой войск, направленной на помощь 4-й армии после её неудачи у Красника, а 9 августа 1914 года был назначен командующим 9-й армией, действовавшей на левом фланге Юго-Западного фронта. Он командовал армией в Галицийской битве, Варшавско-Ивангородской операции, Брусиловском прорыве.

Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский, воевавший в 9-й армии с осени 1915 года (сначала прапорщиком, а затем штабс-капитаном), в мемуарах «Дело всей жизни» (М.: 1978) вспоминал: «9-й армией командовал генерал П. А. Лечицкий, единственный в то время командующий армией, вышедший не из офицеров Генерального штаба, то есть не получивший высшего военного образования. Но зато это был боевой генерал: в русско-японской войне он командовал полком и был известен в войсках как энергичный военачальник...».

Варшавско-Ивангородская операция по количеству участвовавших в ней сил (6 армий, или около 900 000 человек), по своему замыслу и по своим результатам была одной из крупнейших операций Первой мировой войны на русском фронте и как стратегическая операция двух фронтов представляла новое явление в военном искусстве. Русские войска испытали мощный натиск 12 германских и 40 австрийских дивизий, предводимых несомненно талантливыми полководцами – генерал-фельдмаршалом Паулем фон Гинденбургом и генералом Эрихом Людендорфом.

Не прошло и месяца, как в самый кровопролитный период контрнаступления русской армии старший

унтер-офицер 12-й роты Василий Андриянов вновь был отмечен «за переправу через р. Сан и р. Вислу и за бои на правом берегу её по 14-е октября 1914 года» Георгиевским крестом 3-й степени (№ 18824).

Они вместе с ефрейтором 13-й роты Лукой Стельмахом «примером личной храбрости ободрили подчинённых, чем способствовали вытеснению противника из окопов /п. 2 ст. 67 стат. Георг. кр./».

Из статьи 67 Статута Императорского Военного Ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, принадлежащего к сему Ордену Георгиевского Креста и причисляемых к тому же Ордену Георгиевского Оружия и Георгиевской Медали о том, какие подвиги на поле брани награждаются Георгиевским Крестом:

2) Кто, командуя взводом или другою частью, или за выбытием из строя всех офицеров, приняв команду, вытеснит неприятеля из окопа, засеки или какого-либо укрепленного места.

По оценкам военных специалистов, задержка наступавших германцев на Висле, встречный манёвр 5-й, 4-й, 9-й и 2-й армий, переход русских войск 21 октября 1914 года в контрнаступление через Вислу представляют высшее достижение русской стратегии в Первой мировой войне. В результате неприятелю было нанесено крупное поражение.

Однако к весне 1915 года ситуация на фронте начала меняться к худшему, вследствие чего русская армия оставила Галицию, а к июлю, несмотря на упорные бои, начала отходить и из Польши.

В этот драматичный период старший унтер-офицер Андриянов продолжает показывать пример отчаянной храбрости. Вот сухие строки приказа по полку, в котором объявлено о награждении героя Георгиевским крестом 2-й степени (№ 44535): «21 июля 1915 г.

вызвался охотником, узнал о силе и расположении противника и своевременно донёс /п.п. 16 и 17 ст. 67 стат. Георг. кр./».

Из статьи 67 Статута Императорского Военного Ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, принадлежащего к сему Ордену Георгиевского Креста и причисляемых к тому же Ордену Георгиевского Оружия и Георгиевской Медали о том, какие подвиги на поле брани награждаются Георгиевским Крестом:

16) Кто, вызвавшись охотником на опасное и полезное предприятие, совершит оное с полным успехом.

17) Кто, будучи разведчиком, с явною личною опасностью добудет и доставит важное о противнике сведение.

Полным георгиевским кавалером с последовавшим пожалованием воинским званием подпрапорщика (соответствовало нынешнему старшине) 24-летний храбрец стал осенью 1915 года (приказ по корпусу от 2 ноября за № 274).

Георгиевским крестом 1-й степени (№ 6193) он был награждён Его Императорским Высочеством великим князем Георгием Михайловичем (двоюродным дядей Николая II) от имени Государя Императора, в изъявление особой монаршей милости к армии в день годовщины войны, за выдающееся мужество и храбрость, проявленные им в боях против австро-германцев.

Награждённые Георгиевским крестом имели «особые права и преимущества», например: каждому удостоенному Георгиевского креста назначалась со дня совершения подвига ежегодная денежная выдача (после смерти героя его вдова пользовалась этим правом ещё один год), предоставлялось преимущество при производстве на вакансии в офицеры.

Нижние чины при пожаловании Георгиевским крестом 4-й, 3-й степеней производились соответственно

в ефрейторы и в унтер-офицеры. Удостоенные Георгиевского креста 2-й степени при увольнении в запас награждались без экзамена званием подпрапорщика, а награждённые крестом 1-й степени получали это звание сразу при награждении.

За годы Первой мировой войны полный Георгиевский бант заслужили около тридцати тысяч воинов. Среди них известные полководцы последовавшей вскоре в России Гражданской войны, такие, как Семён Михайлович Будённый, Иван Владимирович Тюленев.

Провидение долго хранило нашего героя от пули, снаряда и штыка. В Именном списке нижних чинов 11-й роты 71-го пехотного Белёвского полка, составленном уже на 12 января 1917 года, в строке подпрапорщика Василия Ивановича Андриянова в графе «Был ли ранен и когда» стоит жирный прочерк. И это притом, что полк участвовал во многих сражениях, в том числе в знаменитом Брусиловском прорыве весны–лета 1916 года.

В те же дни начала 1917 года подпрапорщик Андриянов как опытный фронтовик был направлен в 718-й пехотный Розвадовский (ещё писалось – Развадовский) полк, вновь сформированный в январе по четвёртой очереди мобилизации в составе 180-й пехотной дивизии при 14-м корпусе.

А Россия уже вступала в период глобального политического кризиса. 23 февраля 1917 года в Петрограде началась революция. 2 марта отрёкся от Российского престола император Николай II.

Дальнейшая судьба нашего героического земляка Василия Ивановича Андриянова пока неведома. Известно только, что вскоре он тяжело заболел, что зафиксировано в «Карточке прибывшего» лазарета 2-й роты 14-й Московской команды выздоравливающих от 25 мая 1917 года (РГВИА. Ф. 3187).

Как сложился боевой путь 718-го пехотного Розвадовского полка на Северном фронте, прикрывавшем столицу государства – Петроград, мне тоже неизвестно. По крайней мере, я в хрониках Первой мировой войны о нём пока ничего серьёзного не нашёл.

А 71-й пехотный Белёвский полк в период революционного брожения 1917 года сохранил дисциплину и боеспособность, удерживая германский фронт на своём участке. Не случайно приказом Верховного главнокомандующего генерала Алексея Алексеевича Брусилова полку, наряду с несколькими десятками других частей «Революционной армии свободной России», было присвоено почётное наименование «Часть смерти» (часть здесь – в том же смысле, что и полк). То есть солдаты и офицеры полка единодушно приняли на себя «ответственный, тяжкий, но почётный долг умереть за родину, не зная сомнений и колебаний в борьбе с жестоким врагом». В марте 1918 года полк был расформирован.

Указом Президиума Верховного Совета Российской Федерации от 2 марта 1992 года в системе государственных наград современной России восстановлены военный орден Святого Георгия и знак «Георгиевский крест» за подвиги и отличия в боях по защите Отечества, служащие образцом храбрости, самоотверженности и воинского мастерства.

Есть великая надежда, что будет справедливо восстановлена память и о доблестных сынах России, «живот положивших на поле брани за веру, Отечество и други своя» в Первой мировой войне.

Здесь Отчизна моя...

*Поле,
Русское поле...
Светит луна или падает снег –
Счастьем и болью
Вместе с тобою.
Нет, не забыть тебя сердцу вовек!*

«Эта лучшая песня о родине», – написал поэт Расул Гамзатов. В том же духе выразился и композитор Родион Щедрин: «Русское поле» – музыкальный символ отчизны нашей». Автор этих широко известных удивительных строк – Инна Гофф. Счастливыми пенатами стал для неё подмосковный город Воскресенск.

Инна Анатольевна Гофф родилась 24 октября 1928 года в Харькове. Как известно, предвоенное, военное, да и последующее время лёгким отнюдь не было. Она много повидала и пережила. Страшный голод 1932–33 годов, военное лихолетье, людские боль и страдания, эвакуация, «теплушки», бараки, неустроенность, карточки... Жизненные испытания кого-то могут надломить, а кому-то, как ей, дать богатую творческую энергию, глубокое понимание самоценности и неповторимости каждого человека, умение распознать истинное и фальшь.

В 1945 году Инна послала стихи на творческий конкурс в Литературный институт им. М. Горького и была туда принята. Успешно занималась в семинаре поэта Михаила Аркадьевича Светлова и вдруг неожиданно для всех ушла в прозу, в семинар Константина Георгиевича Паустовского. Однако стихи изредка писала – для себя.

Её одноклассник по Литинституту, известный литературовед и критик Андрей Михайлович Турков вспоминает: «Инна была поразительно любопытна к людям, жадно любопытна. И в то же время её любопытство было сопряжено с некоторой укоровизненностью к нам, современникам. Она говорила: «Мы видим друг друга каждый день. Но почему мы так редко видим друг друга?». И действительно, повседневное, что называется холодноватым словом – общение, зачастую никуда не проникает даже. А ей общение было интересным. Наверное, это было у неё каким-то образом наследственным – от отца. Ведь доктор – это тоже профессия «человековеда».

«Мы приехали сюда в душный день в конце мая. Ехали на двух машинах, – мы, женщины, на «Победе», мужчины стоя в грузовике, среди вещей и узлов... Было за полдень, когда наш кортеж свернул с главной магистрали на лесную дорогу. Воздух вокруг темнел, сгущался, и как-то особенно резко белели берёзы по сторонам.

Мы выехали к реке, к перевозу. Здесь так же резко, как только что берёзы, белела в грозовой темноте церквушка. Потом зеркало как будто расколосось, отразив ломаный зубец молнии, свалился гром и покатился над рекой с тем особым глухим стуком, какой придаёт грому вода. Посыпал крупный дождь. Машина уже въехала на паром, но надо было ждать, – станция отключила ток на время грозы. В грузовике нашлась клеёнка, и мужчины укрылись ею.

Я смотрела сквозь поднятое стекло на незнакомый город за рекой, смутно видневшийся издалека. Был хорошо виден только большой барский дом с колоннами, и деревья старого парка, и белая ограда...», – так вспоминала переезд своей семьи в Воскресенск в 1952 году Инна Анатольевна Гофф в рассказе «Знакомые деревья».

Паромная переправа существовала в селе Новлянском возле Иоанно-Златоустовской церкви до строительства

автомобильного моста в 1953 году. И сегодня ещё заасфальтированный спуск к ней можно легко обнаружить с обоих берегов Москвы-реки. И так же величествен на высоком левом москворецком берегу усадебный дом светлейшей княгини Александры Петровны Ливен, который известен и тем, что в нём юные свои годы провёл знаменитый писатель Иван Иванович Лажечников.

В 1952 году отец Инны – Анатолий Ильич Гофф – получил назначение заведующим туберкулёзным диспансером Воскресенской городской больницы. До этого он некоторое время жил и работал в подмосковных Загорске (теперь – Сергиев Посад) и Люберцах (в Панках).

Вместе с родителями в Воскресенск приехала и семья Инны Анатольевны – муж Константин Яковлевич Ваншенкин (набиравший уже всесоюзную известность студент Литинститута) и их полуторагодовалая дочь Галя.

Многие в Воскресенске до сих пор по-доброму вспоминают доктора Гоффа, хотя районным фтизиатром он проработал чуть более пяти лет и на заслуженный отдых ушёл ещё в 1957 году. Он был врачом по призванию. Даже выйдя на пенсию, врачевал друзей, соседей, знакомых и незнакомых – всякого, кто к нему обращался за помощью.

Мама Инны – Зоя Павловна, – в полной мере разделившая с мужем все жизненные тяготы, была человеком интеллигентным. Она преподавала французский язык в Военном институте иностранных языков, писала для студентов учебную литературу и, как отмечают близко знавшие её, до последних дней любила читать книги на языке Гюго и Мопассана. Поселилась докторская семья в больничном городке. Инна Анатольевна вспоминала:

«Больница состояла из нескольких одноэтажных домиков, разбросанных кое-как среди зелени, и главного корпуса – хирургии (*Сейчас в нём травматологическое отделение первой городской больницы.* – В.Л.)... Сначала

мы жили в маленьком домике под старыми липами, при больнице... В домике, где мы поселились, когда-то было родильное отделение. Мы нашли на притолоке медный крест с распятием. Видимо, им благословляли новорождённых. «Верным утверждение анделом слава бесом язва» – выведено на нём.

Стройный ряд вековых лип оведал нас в знойные дни прохладой и запахом мёда. Эти липы как бы принадлежали династии липовых аллей в парке и в имении Спасское, где стоял ещё не тронутый пожаром особняк, построенный по проекту Растрелли. В домике нашем было два входа, не сообщающихся между собой». Был также «маленький садик, прилепившийся к дому сбоку», а вокруг кусты шиповника, акации и сирени. И, как вспоминает дочь – Галина Константиновна Ваншенкина, много цветов: золотые шары, гладиолусы...

«Наша молодая семья была еще по-студенчески неприкаянной и покорно следовала за старшими. Пути моего отца привели нас в Воскресенск. В домик под старыми липами. В комнате, которую старшие отдали нам, с трудом помещался диван, простой струганый стол со скрещёнными ногами и телевизор с линзой.

Телевизоры были ещё в новинку. Тётя Катя, живущая в нашем доме с другого хода, на мой вопрос, как онаживает, ответила чуть с вызовом:

— А разве вы сами не знаете? У вас же телевизор!..

Видимо, она решила, что при помощи телевизора можно заглянуть в любую комнату, в любую жизнь.

Зимой наш домик под старыми липами заносило снегом до самых окон. Гудел огонь в печке, топившейся из коридора. Гудел ветер в трубе. Гудели проходящие дальние поезда. И ближние поезда, идущие на Голутвин, Егорьевск, Шиферную. Линия электрички обрывалась у Раменского. В Москву мимо нас ходили паровики.

(*Движение первых электропоездов от Воскресенска началось в августе 1958 года. – В.Л.*). На короткой стоянке народ штурмовал вагоны, захватывал трёхэтажные полки, с заветным местом возле окна. Конобеевские железнодорожники, все знакомые между собой, шумно перекликались, затевали подкидного дурака. Бабы в платках и телогрейках судачили по пути на рынок, запихнув под нижнюю лавку мешки с картошкой и репчатым луком.

Конобеевские – озорники, горластые. Туда ли едешь, обратно ли, сойдут – и в поезде тишина. Только постукивают колёса, лязгают буфера и вороны взлетают, стряхивая с сосен снег, греясь в паровозном дыме».

Так и не дождавшись обещанной местным руководством двухкомнатной квартиры в городских новостройках улицы Октябрьской, Анатолий Ильич осенью 1956 года начал строительство дома на выделенных ему горисполкомом шести сотках земли в «посёлке за стадионом» (теперь нередко называемом «посёлком у «Сотого» магазина») – дома № 4 по 1-му Лесному переулку.

Строительство было нелёгким и хлопотным (на него пошли все гонорары за изданные книги обоих писателей), но через четыре года – в октябре 1960-го новоселье состоялось. Как вспоминает соседка Нина Николаевна Лапина (в девичестве Денисова), дом их, шлакоблочный и оштукатуренный, был выкрашен в белый цвет, с коричневыми фронтонами и с коричневыми же ставнями на окнах. Чердак-мансарда был довольно объёмным, и здесь впоследствии даже хотели оборудовать художественную студию для Гали.

Полноправной владелицей дома стала Инна Анатольевна, так как сразу после строительства родители дом подарили дочери. Она полюбила Воскресенск, ощутила своим, считала его второй малой родиной.

В предисловии К. Я. Ваншенкина к книге «Летом в Воскресенске» (М., Подмосковье. 1999) читаем: «Каждый настоящий писатель чаще всего описывает в своих книгах наиболее запавшие ему в душу картины собственной жизни: детство, война, первая и последующая любовь и многое другое. И, конечно, те места, с которыми, так или иначе, были связаны его лучшие годы... Нужно сразу сказать: это пересечение оказалось для нас, тогда молодых писателей, удачным, даже счастливым. Мало того, там, у стариков, жила до пяти лет наша дочка, и мы проводили в этом городе не меньше времени, чем в Москве».

Новое место жительства тоже описано в рассказах Инны Гофф: «Мы живём в маленьком посёлке между лесом, рекой и городом. Бетонированное шоссе, или попросту бетонка, отделяет город от заповедных лесов. Возле будочки ГАИ недавно поставили светофор. Всего несколько шагов на зелёный свет – и перед глазами возникает табличка: «Заказник. Хожение с ружьём и натаска собак запрещены». И уже пахнет маслятами, свежей сыростью и хвоей».

Так судьба писательской семьи на четыре с лишним десятилетия до июня 1995 года пересеклась с нашим городом.

Это потом Воскресенск вытянется вдоль Москвы-реки и железной дороги Москва-Рязань на 16 километров. А тогда в его черту входили пристанционный посёлок, бывшие деревни Неверово и Кривякино.

В 1955 году вышла новая книга Инны Гофф «Биение сердца», построенная на личном опыте писательницы. В ней рассказывается о рождении ребёнка, сюжет завязан вокруг родильного дома. В описании города Апрельска воскресенцы легко узнают свой город: здесь и химкомбинат, и железнодорожная станция, и больничный городок, и новостройки тех лет, и Кривякино. Скорее всего, и зарисовки с натуры наших земляков.

Став в 1955 году главным редактором основанного им молодёжного журнала «Юность», Валентин Катаев пригласил Инну Гофф к сотрудничеству в новом издании и предложил написать повесть «о молодом рабочем классе».

«Я жила под Москвой, в городе химиков. И я написала о химиках. В ту пору нас ещё не волновали нитраты и пестициды. Но, живя в Воскресенске, я вдоволь наглоталась сернистого газа, и мои герои, хорошие советские люди, уже тогда боролись с загрязнением воздуха. Но вот в чём беда! Боролись они на страницах моей повести, а в жизни лишь собирались бороться», – читаем мы в последней, вышедшей в 1993 году, уже после кончины автора, книге «На белом фоне».

Чтобы войти в тему изнутри, она каждый день в суконой спецовке «бодро вышагивала по гудку в ногу с первой сменой, проделывая путь в четыре километра. ...По плиточному тротуару, под молодыми ещё тополями, мимо базара, туда, где над трубой вился лисий хвост жёлтого дыма и валил белый пар из труб заводских цехов». Через два месяца новенькая спецовка уже была прожжена в нескольких местах и порыжела.

В этой повести, получившей «химическое» название «Точка кипения», воскресенские реалии видны уже воочию, хотя и назван город Ратмирово – по имени расположенной на противоположном берегу Москвы-реки деревни, а центральная улица Октябрьская – Ленинской:

«Жители Ратмирова хорошо знали историю своего города и охотно знакомили с ней приезжих. Они с удовольствием рассказывали, что в одном из ближних сёл родился князь Пожарский, что на том берегу реки была усадьба писателя Лажечникова. В больничном городке до сих пор сохранился маленький, в шесть окон, домик – больница, построенная княгиней для своих крестьян».

Как видим, здесь и Марчуговская вотчина князей Пожарских, и усадьба Красное сельцо второй половины XVIII века с городским парком, и сохранившееся с 1891 года здание земской больницы, где ныне расположена городская станция переливания крови. Узнаваемы и персонажи, имевшие реальные прототипы. Например, директор химкомбината Николай Иванович Докторов (по повести – Андрей Иванович Туторский).

Так Инна Гофф впервые ввела город Воскресенск в российскую художественную литературу.

Валентину Катаеву повесть понравилась, её напечатали в двух номерах «Юности», с цветными иллюстрациями.

В Воскресенске набирающие известность писатели не только не стремились, а даже избегали какой-то публичности. Жили, ничуть не выделяясь и не подчёркивая своих основных занятий. О них знали только ближайшие соседи, а открытость, конечно, могла бы создать некоторые неудобства.

И всё же Инна Анатольевна в силу своего общительного характера с интересом стала участвовать в общественной жизни города. Она приняла Воскресенск очень близко к сердцу, он стал частью её жизни.

Одно время вела литературный кружок при редакции районной газеты. Об этой своей общественной деятельности И. А. Гофф потом живописала в рассказе «Жил в России поэт», главным героем которого стал местный самородок-стихотворец Михаил Петрович Постников, чьи, на первый взгляд, наивные, но, по сути, мудрые (а в отношении него и вовсе пророческие) строки стали эпиграфом:

*Для чего тебе стихи? –
Спрашивают дети.
По чему же будут знать, –
Жил ли я на свете?..*

«Как-то мне довелось вести литературный кружок. Я жила в небольшом подмосковном городе. К нему скорей подходило старое сельское его название – Кривякино. В ту пору из печати вышла моя первая книга. Каким-то образом в редакции районной газеты узнали об этом и попросили меня помочь начинающим литераторам. Мне было двадцать четыре года, и предложение показалось лестным. Я согласилась. Мой собственный литературный опыт был невелик, но в памяти еще свежи были советы и наставления мастеров литературы, чьи семинары я исправно посещала в годы студенчества. Этой чужой мудростью я и хотела поделиться с начинающими (*Лауреат Всероссийского литературного конкурса, конечно же, скромничает, говоря о своём малом опыте и чужой мудрости.* – В.Л.).

Первое заседание кружка состоялось в очередную субботу. Редактор газеты (*Фёдор Акимович Холодов.* – В.Л.) представил меня собравшимся. Я огляделась.

Увидела мальчишку в форме ученика ремесленного училища.

Увидела высокого худощавого человека и узнала в нём завуча школы. Он жил по соседству с нами, и я слышала, что он преподаёт литературу. Но я не знала, что сам он пишет. Перед ним лежала толстая папка. Проза!..

Увидела парня с продолговатым лицом и большими рабочими руками. В руках он смущённо вертел свёрнутый в трубку листок. Стихи!..

Увидела старика в защитной гимнастёрке, седоголового, с аккуратной седой бородой. На столе перед ним ничего не лежало, и я решила, что старик просто зашёл на огонёк, может быть, он здешний сторож (*Это и был М. П. Постников, действительно работавший тогда сторожем горвоенкомата.* – В.Л.)».

В газете публиковались её статьи и заметки. Она была нередким гостем на химкомбинате, в молодёжном общезжитии, в библиотеках, в школах. Об этом помнят многие местные старожилы.

И хотя в связи с занятостью и частыми отлучками в столицу Инна Анатольевна вскоре уже не смогла вести занятия с литераторами, дружба её с газетчиками продолжалась. Она изредка заходила в редакцию «районки». Воскресенские журналисты тоже заглядывали в гости.

Константин Яковлевич рассказывал: «Мы почти не расставались. Отдыхали только вместе, потому что нам не нужно было отдыхать друг от друга. Она никогда меня не раздражала. А я – её. Мы этого просто не знали.

...Ссорились ли мы? Трудно сказать. Наверное, да – из-за моей дурацкой вспыльчивости. Но не дольше чем на час, честное слово. Мы оба изначально хотели примирения.

Её отличали врождённая мягкость, внимательность, доброжелательность. Некоторых это вводило в заблуждение, иные бывшие приятельницы, сделавшие или просто сказавшие что-то не так, отсекались ею жёстко и безжалостно, даже не поняв причины её охлаждения.

Она нежно любила дочь и внучку. Она относилась к родителям с такой терпеливой любовью, которой я никогда более не встречал.

Она была центром дома, его устойчивости и соразмерности».

Общавшиеся с Инной Анатольевной с удивлением отмечали у неё достаточно редко совместимые качества – прекрасного рассказчика и слушателя. А ещё её тактичность, интеллигентность и, несомненно, что очень важно, – художественный вкус.

В прозе и поэзии Инны Гофф ощущаются необычность, непосредственность взгляда, неподдельный интерес,

чувство юмора. Вот, например, строки Инны Анатольевны о женщинах Воскресенска:

«Не знаю, все ли женщины в нём красивы, но красивых много. Закаты над рекой, старые аллеи в парке, игра света на лесных просеках и дальнее покатое поле – всё, что окружает от рождения, формирует наш характер. Характер и внешность связаны неразрывно. Облик воскресенской женщины – мягкий, спокойный, немногословный. Задумчивость природы сообщилась ей и стала её природой. В то же время характер сильный, независимый. И своеобразная, – что тоже есть в воскресенской природе, красота, где сквозь славянские черты проглядывает что-то иное, словно воспоминание о какой-то иной красоте.

Чёрные глаза и широкие скулы и сейчас не редкость у воскресенских красавиц, предки которых воевали на этих полях с ханом Батыем и ханом Мамаем, а отвоевав, роднились с воинственными соседями.

Село Сабурово Воскресенского района принадлежало боярскому роду Сабуровых, потомков татарского мурзы Четы. Дочь одного из Сабуровых, Соломония, была выбрана в жёны царю Василию Третьему из полутора тысяч красивейших девушек государства Российского».

В книге о своей жизни “Превращения” (1983) Инна Анатольевна в деталях вспоминает современников, с которыми ей довелось общаться: Александра Твардовского, Михаила Светлова, Алексея Фатьянова, Марка Бернеса...

Со страниц её книги (увы, посмертной) «На белом фоне» (1993) встают Валентин Катаев, Юрий Олеша, Виктор Некрасов, Евгения Гинзбург, Виктор Шкловский, Булат Окуджава, Владимир Высоцкий, Юрий Трифонов...

В журнале «Октябрь» и «Литературной газете» (1996), в книге «Личная жизнь» (2006) опубликованы афористически меткие записи и наблюдения И. А. Гофф.

Своя удивительная судьба у стихов Инны Анатольевны Гофф.

И «виновники» этого друга её мужа К. Я. Ваншенкина – Марк Бернес, Ян Френкель, Эдуард Колмановский.

Константин Яковлевич вспоминал: «...Инна начинала со стихов, и через годы они ей откликнулись. Да ещё как! Она продолжала изредка писать их «для себя» и напевать на собственные доморощенные мотивчики. Первым обратил на это внимание Ян. Как-то, сидя у нас, он вдруг спросил: «Инна, что вы там поёте?» Она объяснила. Он попросил переписать слова. Появилась песня (или романс) «Август». Помните? – «Скоро осень, за окнами август...». Распространение было стремительным. Исполнители нашлись не только у нас, но и во Франции, Японии, Болгарии... Тогда попросил написать песню для него и Марк – о любви. Она сочинила «Когда разлюбишь ты». Он одобрил, записал, начал исполнять, но вскоре понял, что это всё-таки женская песня. И действительно, её долго и постоянно пела потом Кристалинская. А Инна написала для Бернеса слова песни «Я улыбаюсь тебе» (муз. Колмановского), и он включал её в свои концерты вплоть до конца.

Это особый дар. У неё есть ещё несколько удивительных песен: «И меня пожалей», «Снова ветка качнулась» (обе записала Анна Герман), другие.

И, конечно, «Русское поле». Волшебное соединение двух обычных слов, давшее эффект огромной эмоциональной силы. Бесспорно, эта песня уже растворена в народном сознании».

Предметом особой гордости воскресенцев является то, что эти совершенно дивные строки написаны Инной Анатольевной в нашем городе.

Понимая всю условность образа, я, тем не менее, с провинциальной наивностью «кулика, своё болото хвалящего», однажды спросил Константина Яковлевича

о «географическом местоположении» «Русского поля» и был вознаграждён подтверждением: Инну Анатольевну просто завораживали заречные нивы и просторы между старинными сёлами Новлянское и Константиново с нитью дальней дороги Ратмирово – Марчуги. Потом она сожалела, что с развитием города была утрачена их естественная прелесть.

Описание этих мест мы встречаем и в «Знакомых деревнях»: «Село (Константиново. – В.Л.) стоит среди полей. Когда поспевают хлеба, поля меняют цвет, становятся золотыми. За полями по горизонту ниткой тянется шоссе с телеграфными столбами и игрушечными издали автомобилями. Цела и церковь. Круглая, с колоннадой, построенная в стиле барокко. Купы деревьев скрывают от глаз колокольню, и с нашего берега она выглядит ротондой. За ней, как во времена Гоголя, садится на закате багровое солнце».

Николая Васильевича Гоголя она поминает в связи тем, что тот за век до неё тоже любовался заречными видами на Константиново и даже неоднократно посещал его Троицкий (Успенский) храм, когда в 1851 году гостил у Александры Осиповны Смирновой-Россет в имении Спасское, что буквально в минутах ходьбы от 1-го Лесного переулка.

Быть может, любопытна будет и идилическая картина окрестностей, нарисованная Александрой Осиповной в письме-приглашении писателю: «Вас привезут ко мне в 70 вёрст от Москвы в такую мирную глушь, в такие бесконечные поля, где кроме миллионов сенных скирд, песни жаворонка и деревенской церкви вы ничего не увидите и не услышите».

Кстати, премьера «Русского поля» в 1966 году в кинофильме Эдмонда Кеосаяна «Неуловимые мстители» вполне могла по «идеологическим» причинам закрыть песню для массового слушателя – ведь исполнявший её актёр

Владимир Ивашов играл роль белогвардейского офицера. Но искренность слов и мелодии, к счастью, оказались выше «классовых» предрассудков. Правда, по-настоящему большой успех к песне пришёл после её исполнения по радио Юрием Гуляевым. И вот уже более сорока лет её простые и вместе с тем проникновенно-магические слова всё так же вызывают в нас искренние чувства причастности к отчему краю, к родным «пепелищам».

Нежно-грустный «Август» тоже написан в Воскресенске. Когда построили новый дом, то вдоль окошек посадили три рябины, – не за оградой, а внутри неё. Именно отсюда строчка из «Августа»: *«За окошком краснеют рябины...»*.

Воскресенскую «прописку» имеют и уже упоминавшиеся чудесные песни «Когда разлюбишь ты», «И меня пожалей», «Я улыбаюсь тебе», «Снова ветка качнулась», «Ветер северный», «Друзья мои», «А сердце всё надеется» и другие. Песни Инны Гофф вошли в репертуар многих популярных певцов: Марка Бернеса, Юрия Гуляева, Анны Герман, Майи Кристалинской, Людмилы Зыкиной, Марии Пахоменко, Гелены Великановой, Эдуарда Хиля, Иосифа Кобзона, Владимира Трошина, Нины Бродской, Марии Лукач, Аиды Ведищевой, Андрея Миронова, Валерия Ободзинского, Георга Отса, Дмитрия Гнатюка... С удовольствием поют их и нынешние звёзды эстрады.

Инна Анатольевна Гофф скончалась после тяжёлой болезни 26 апреля 1991 года, прожив только 62 года. Прах её покоится на московском Хованском кладбище.

Последнее время семья чаще выезжала на литфондовскую дачу во Внуково, расположенную поближе к Москве, но, по признанию самой Инны Анатольевны, милее ей был всё же родительский дом в Воскресенске.

Несомненным событием в литературной (да и не только) жизни Воскресенска стал выход в свет книги песен

и лирики Инны Гофф и Константина Ваншенкина «Летом в Воскресенске».

Появление этой книги имеет свою историю.

В 1998 году нашла поддержку администрации района инициатива автора этих строк о начале издания литературного альманаха, получившего впоследствии название «Воскресенск – моя родина светлая...». Готовясь к его первому выпуску, вместе с членами редакционного совета пришли к естественному решению о включении в альманах стихов лучших воскресенских авторов прошлых лет. Конечно, сразу же внимание было обращено к творчеству наших именитых земляков-писателей Инны Гофф и Константина Ваншенкина. Мы не были столь самоуверенны получить согласие на то, чтобы произведения известнейших мастеров вошли наравне со стихами любителей в ещё только нарождающееся издание. Тем не менее, не без некоторых внутренних колебаний решили обратиться к Константину Яковлевичу Ваншенкину.

Удивительно, но Константин Яковлевич с пониманием и даже с интересом отнесся к нашей просьбе и предложил неожиданно-счастливое для нас решение: выпустить книгу стихов, написанных им и Инной Анатольевной в период их жизни в Воскресенске.

Художественно оформить книгу согласилась дочь писателей – Галина Константиновна, известный художник-график, а администрация района приняла на себя организационные вопросы издания книги.

По словам Ваншенкина, он и сам не ожидал, что написано в нашем городе было так много. А здесь родились строки и его знаменитейших песен «Я люблю тебя, жизнь», «Алёша», «Вальс расставанья», «За окошком свету мало». При том, что у Инны Гофф издано немало книг, это издание оказалось, наверное, единственным с подборкой её стихов.

В декабре 1998 года книга увидела свет в Воскресенской типографии. Презентация книги состоялась во Дворце культуры химиков. Здесь Константина Яковлевича ждали удивительные встречи с давними знакомыми, бывшими соседями, почитателями. Это был настоящий литературный праздник.

18 мая 2007 года Совет депутатов Воскресенского муниципального района, по ходатайству нашей литературной общественности, принял решение об увековечении памяти писательницы И. А. Гофф и о переименовании 1-го Лесного переулка в городе Воскресенске в улицу Инны Гофф.

6 октября 2007 года произошло новое событие: на доме № 4 по улице Инны Гофф установлена мемориальная доска тёмно-зелёного мрамора с высеченной надписью: «В этом доме с 1960 по 1990 гг. жила и работала писательница Инна Анатольевна Гофф. Здесь ею были написаны песни «Русское поле», «Август».

На торжество открытия мемориальной доски пришли многие горожане, соседи, поклонники творчества писательницы, литературная общественность Воскресенского района, Москвы и Подмосковья. Было сказано много добрых слов о культурно-исторической значимости происходящего. Сердечную благодарность за память об Инне Анатольевне выразили воскресенцам приехавшие на торжество Константин Яковлевич и Галина Константиновна Ваншенкины.

Это событие также нашло добрый отклик в столичных литературных кругах и прессе. Так, известный литературный критик Евгений Юрьевич Сидоров (бывший ректор Литературного института им. Горького, в 1992–97 гг. министр культуры России) в «Литературной газете» в октябре 2008 года отметил: «Подмосковный Воскресенск, где долго жили Ваншенкины, хранит память об Инне Гофф. Недавно её именем там была названа улица. Кто

ещё из наших писательниц удостоен подобной чести? Думаю, очень немногие, почти никто... Лучшее в советской литературе не должно зарастать травой забвения».

*Порой мы сквозь сон различали,
Как, собственно, невдалеке,
Особенно слышный ночами
Гудел пароход на реке.*

*Под осень краснели рябины,
И столько случится потом...
На улице имени Инны
Мы жили, не зная о том.*

(К. Ваншенкин. «Улица Инны Гофф в Воскресенске»).

Как в Кривякино Пильняка «прописывали»

Борис Андреевич Пильняк занимает особое место в истории русской литературы 20–30-х годов XX века. Его жизнь была бурной, богатой впечатлениями, но недолгой. Он достиг в своё время зенита славы, при этом был нещадно критикуем, а в 1938 году – расстрелян. По словам известного прозаика Варлама Шаламова, Пильняк «был самым крупным писательским именем двадцатых годов». А поэт Сергей Есенин ещё в 1924 году писал: «Пильняк изумительно талантливый писатель... владеющий самым тонким мастерством слова и походкой настроений». Первый же роман Пильняка «Голый год» (1921) – едва ли не первый по времени советский роман, – переведённый на многие языки мира, принёс писателю всемирную известность.

Но эта известность придёт много позже, а наше повествование о 1915 годе, ставшем, по словам самого писателя и фактам биографии, решающим в его жизни и творчестве.

Жил в тот год Борис Пильняк с весны по осень в деревне Кривякино, находящейся сейчас почти в самом центре Воскресенска между городским парком и химкомбинатом, ставшей ныне улицей Куйбышева.

Каким же образом жизнь будущего знаменитого писателя в этот год, ставший для него стартовым в большую литературу, пересеклась с небольшой подмосковной деревенькой, расположенной в живописном месте на высоком левом берегу Москвы-реки?

Судьбе было угодно, чтобы в 1912 году отец писателя – ветеринарный врач Андрей Иванович Вогау, происходивший из поволжских немцев, – получил назначение заведовать открытым губернским земством ветеринарным пунктом в деревне Кривякино Колыберевской волости Коломенского уезда. Здесь он прослужил около трёх лет до назначения заведующим Коломенской земской ветеринарной больницей. Кривякинский ветпункт также остался в его ведении. Кривякино в ту пору представляло собой сельцо в сорок два крестьянских двора, где проживало 236 жителей: 104 мужского и 132 женского пола. Рядом располагались помещичья усадьба Красное сельцо, принадлежавшее светлейшей княгине Александре Петровне Ливен. Её сын Андрей Александрович был тогда предводителем дворянства Коломенского уезда.

Борис и раньше часто бывал в Кривякино. Да, по-видимому, и вся семья Вогау жила здесь как на даче. Неудивительно, что и в 1915 году двадцатилетний студент экономического отделения Московского Коммерческого института (ныне это Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова) поселился в этом полюбившемся ему месте на несколько месяцев – с ранней весны и до конца лета. На то были свои причины. Во-первых, предстояла экзаменационная сессия, а станция Воскресенск почти на час езды на поезде ближе к Москве, чем Коломна. Да к тому же он ожидал в гости сердечную подругу Надежду Павлович, с которой сошёлся в одну из «литературных суббот», проходивших в редакции московского журнала «Млечный путь».

Надежда Александровна Павлович потом вспоминала: «Борис был рыж, некрасив, грубоват, но были в нём талантливость и сила, было упорство и умение добиваться своего. Он выделялся из литературной и студенческой

молодёжи, окружавшей меня, и остротой высказываний, и твёрдой своей поступью в жизни».

Глазами писателя Михаила Слонимского Пильняк тоже предстаёт общительным молодым человеком: «Большой, рыжий, с рыжими веснушками, в роговых очках, он и ходил-то по-особому, наклонившись вперёд и как-то загребая длинными, с рыжим волосом до пальцев, руками – то ли как охотник, идущий на медведя, то ли как медведь, идущий на охотника».

Ветеринарным фельдшером в Кривякино в ту пору служил Карл Петрович Штейнбах, с которым Борис давно уже водил дружбу. Тремя годами ранее, после первого знакомства юноша записал в свойственной ему экспрессивной манере: «14 апреля переехал к нам в квартиру ветеринарный фельдшер. Латыш. По-русски плохо говорит. Добрый и славный парень. На скрипке играет... Всем бы парень хорош, только – не пьёт, не хлещет за шмарами, не курит... У этого Карла Петровича странные знакомые. Собираются, поют, играют на скрипке и мандолине. Читают. Водки – никогда...».

В Кривякино Пильняк начал перебираться в среду, 25 марта (это 7 апреля по новому стилю). Здесь он «снял себе избу за 7 целковых». Поначалу ему одиноко, скучно, и он пишет поэту, редактору альманаха «Жатва» Арсению Альвингу (Смирнову), с которым успел подружиться: «Живу здесь только несколько дней, но кажется – много-много дней, и дни похожи на плиссированный шёлк – складка к складочке дни идут. Встаю, на холоде, на дворе моюсь, зубрю, готовлю обед, ем, читаю, хожу на реку, и – ложусь спать. Так каждый день. Рядом имение кн. Ливен, и там в парке кричат совы. А засыпаю под песни деревенских девушек; на горе, около нашей избы – гулянки устраивают. И такая пустота эти дни. Такая скука!».

Но вскоре, освоившись и перезнакомившись с местной молодёжью, он о своём времяпрепровождении родителям в Коломну сообщает уже в мажорной тональности: «Погода – чудесна. Удовольствий масса: я катаюсь на лодке, езжу верхом, ловлю кригой рыбу, вечером – песни, разговоры – на гулянках. Появляются знакомые. Вид у меня – а-ах! Я пришёл к заключению, что бесполезно ежедневно чистить шинель, и она у меня – того, грязна весьма».

Несколько дней спустя, на одной из таких гулянок, Борис принародно получил своеобразную «прописку». А всё из-за того, что состояние влюблённости было для него, находящегося в вечном поиске девушки своей мечты, – обычным делом. «Это лето я постараюсь как можно больше двигаться, наблюдать, – жить! ...Ведь я всё время мечтаю полюбить и жениться» – помечает он в записной книжке. Тут его и потянуло на флирт с кривякинскими девушками.

Ту неприятную историю Борис описал в своём прошении коломенскому мировому судье так: «15-го апреля сего 1915-го года вечером я находился около своей дачи. Тут же были: ветеринарный фельдшер губернского земства Карл Петрович Штейнбах, деревенские девушки, бабы, парни и дети, всего числом человек 25–30. У нас вёлся общий разговор. К нам подошла крестьянка деревни Кривякино, Мария Максимовна Орлова, и стала вызывающе ругаться: смысл её слов был таков, что «мол, что вы, бабы, тут за студентом бегаете! Я, мол, не такая! Попробуй, подойди он ко мне!» Я подошёл к ней, чтобы спросить, за что она на меня так сердита. Но не успел я подойти и сказать слова, как она ударила меня по лицу и сшибла очки... Я всё время держал себя весьма благопристойно... и её поступок, оскорбление действием, считаю хулиганством...». Свидетелями своей правоты он также называет жителей деревни: жену ветфельдшера Татьяну Васильевну

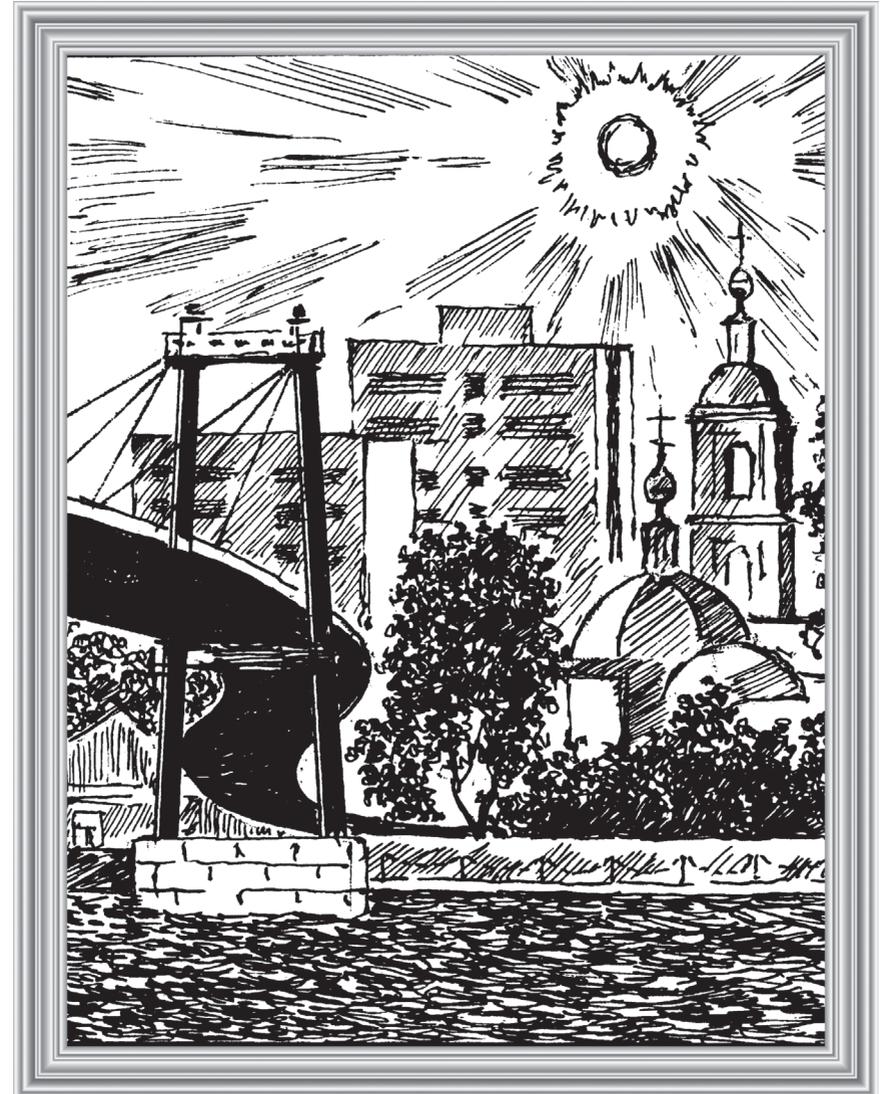
Пеликанову, крестьянок Александру Никифоровну Васильеву (портниху) и Ульяну Семёновну Лебедеву.

Судебные последствия инцидента неизвестны – скорее всего, их просто не было. Потому что вскоре приехала женщина, которая заставила его любить, страдать, взрослеть...

А литературным результатом кривякинского периода творчества Бориса Пильняка стали рассказы «Целая жизнь» («Над оврагом»), с обозначением: «Кривякино, июль 1915», а также «Одно» (Кривякино, май 1915), «Земское дело» (Кривякино, 13.VI.15), «Смерти» (Кривякино, август 1915), а также десяток миниатюр, написанных совместно с Надеждой Павлович. Кстати в это время появился и его литературный псевдоним «Пильняк».

ИНТЕРВЬЮ

О литературном отдыхе, рыбе-клен и земляках-воскресенцах

По хронологии книг, которые выходили у Виктора Ивановича Лысенкова, можно отследить время отпусков заместителя начальника Воскресенского управления социальной защиты. Просто «убивать» свободное время – не в его стиле. Если выдаётся свободная минута, то существует большая вероятность, что она будет потрачена на занятие любимым делом – литературой и краеведением. И не только на то, чтобы писать самому, но и на помощь и поддержку другим литераторам, которые в силу каких-то причин не могут организовать издание своих произведений.

— Существует такое распространённое мнение, что для мужчин лучший отдых – это баня, шашлык, спорт, – говорит Виктор Иванович. – Это я тоже люблю, но больше стараюсь что-то делать для души. Я думаю, что мозги в свободное время надо не проветривать, а замещать там массу информации о людских проблемах, которая ежедневно поступает во время работы. Такую «отдушину» я в своё время нашёл в литературе.

— В детстве-то кем хотели быть? Не поэтом, случайно?

— Мне рассказывали, что я на вопрос о своей будущей профессии отвечал: «Хочу быть фифером». Шофёром,

то есть. Вот и пошёл в автомеханический институт. И сына Андрея туда же направил. Хотя и он тоже прикипел к литературе, стихи пишет, которые я часто цитирую, – сам я пишу только прозу.

Люди творческие в большей степени, так сказать, неприкаянные. Я в своё время, когда работал в администрации района, начал многим помогать. Но потом понял, что самая существенная помощь нужна именно литераторам. Те же художники и музыканты всё-таки знают, как себя продвинуть. А поэты и прозаики в данном плане – люди менее предприимчивые. И вот в 1999 году появилась идея по изданию первого литературного сборника «Воскресенск – моя родина светлая...», которая была реализована.

— В прошлом году вышел пятый выпуск альманаха. Много это или мало?

— Дело в том, что каждая книга, помимо издательской работы, требует и денежных затрат. Чтобы снизить расходы, например, вёрстку сборников делал сам. Занятие кропотливое, но по-своему интересное. Я не любитель ходить с протянутой рукой, пусть и на общее дело, поэтому, что могу, делаю сам.

Надо сказать, что у всех глав нашего района я встречал понимание и поддержку в плане издания альманаха. Не всегда быстро находились средства, но находились. Значит, дело воскресенцам нужное.

— Очень интересен международный литературный проект «Созвучие», который выходит также при Вашем участии.

— Мы дружим с объединением литераторов из болгарского города Плевен. Собственно, из этой дружбы

и родилось «Созвучие» – антология произведений русских авторов и переводов стихов и прозы болгар.

— Как восприняли это болгарские литераторы?

— Замечательно. Хотя, как и в любом творческом процессе, есть определённые трудности передачи чужих чувств, мыслей, менталитета. Переводить стихи – занятие далеко не простое. Надо же вновь создать не набор слов, а произведение, созвучное оригиналу по смыслу, ритму, мелодике, нюансам. А зачастую перед переводчиком только не самый качественный подстрочник.

Случались разные истории. Перевожу как-то стихотворение болгарской поэтессы. В так называемом техническом варианте были слова о том, что «сквозь воду видны клены...» и так далее. Ну, я так понимаю, что дерево – клён – отражается в воде, и исхожу из этого.

— «Там, где клён шумит над речной волной»...

— Что-то в этом роде. Потом начинаю чувствовать, что захожу в тупик: что-то неправильно, не складывается у меня. Начал искать дословный перевод, в том числе в энциклопедических словарях. Оказалось, что клен – это рыба! Я-то думал, что стихотворение о дереве, а оказалось – о рыбке.

Кроме того, сейчас стало модно в Европе писать белым стихом, а не классическим рифмованным стилем. А в России традиционно привыкли к рифме, возникает дилемма: как лучше. Простой технический перевод не может передать архитектуру и ритмику стихотворения. У белого стиха есть своя гармония, которую надо соблюдать в переводе. Чуть-чуть не хватило чутья, и всё ломается. Получается корявый перевод. Перевод без души.

— Виктор Иванович, насколько мы знаем, Вы активный участник ряда проектов по литературному краеведению. Как у Вас на всё хватает времени?

— История земли, на которой ты живёшь, история людей, которые здесь работали и творили, мне кажется, не может не увлечь. Хочется рассказать о наших земляках, многие из которых, по моему мнению, незаслуженно забыты. К тому же вспоминаются перипетии недавней нашей бурной истории, очевидцем и участником которых был. Из «чуланов памяти» всплывают люди, события, случаи. Интересно, что сегодняшний взгляд, например, на события 20–30-летней давности порой далёк от реальности. Я тут недавно детям рассказал о том, как жили в городе в 1980-х – начале 90-х годов, в частности, в дни августовского путча. Так мои слушатели очень удивились, ведь нередко им подаётся откровенная чушь. Как тут не задуматься, чтобы написать короткие заметки про то, как это выглядело изнутри.

— Вы – автор глубоких исследований по некоторым нашим землякам. Кто из них был наиболее интересным?

— Каждый интересен по-своему. Особенное удовлетворение получаешь, когда восстанавливаешь историю жизни и гибели неординарного человека, о котором, тем не менее, в суетности забыли. Например, об уроженце деревни Губино, полном георгиевском кавалере Василии Ивановиче Андриянове. Пришлось потрудиться во время отпуска в военно-историческом архиве. Тут мне ещё дочь Елена помогала, которая училась в то время в Москве и тратила своё свободное время. А в архивах у нас работать непросто. Трудно найти людей, которые готовы тебе помогать. Мало того, сразу «приговорили» наш поиск: «А, подпрапорщик – нижний чин. Ничего не найдёте!».

Нашли-таки, спасибо ещё раз дочери и, конечно, за долго-терпение супруге Любове Николаевне – я ведь и квартиру в архив превратил.

По Ивану Сергеевичу Хохлову – председателю Совета Народных Комиссаров РСФСР – опять же была непростая работа. Имелись совсем коротенькая биографическая справка и неказистая фотография. Поднял прессу тех времен, мемуары военачальников Г.К. Жукова и А.М. Василевского, которые о нём вспоминают. И появился осмысленный образ человека – участника двух войн, государственного деятеля.

Я уже не говорю про писателя Бориса Андреевича Пильняка, про которого после репрессии совсем забыли, так, что его будто бы и не было. Если в начале XX века ходила байка о том, что все литературные поля России заросли «пильняком», наверное, это была значимая фигура в отечественной литературе.

— Вы хорошо знали Константина Яковлевича Ваншенкина...

— Да, у нас были дружеские отношения. Полгода назад он ушёл из жизни. Кстати, буквально на прошлой неделе мы с директором МУКЦ «Усадьба Кривякино» Евгением Ивановичем Пряничниковым ездили к дочери Константина Яковлевича – Галине Константиновне, которая решила передать нам уникальные издания книг своих родителей – Константина Ваншенкина и Инны Гофф. Часть из них останется в экспозиции краеведческого музея, а часть предполагается передать в библиотечные фонды. Кроме того, Галина Константиновна подарила нам вещи из домашнего кабинета писателя: стол, два стула и плетёную вазу с колосьями пшеницы с русского поля (подарок Инне Гофф от Маргариты Агашиной на 60-летие).

Мне литературная работа интересна ещё тем, что в её процессе появилось очень много хороших друзей, например Леонид Анфиногенович Дудин, Вячеслав Иванович Самарцев, Анатолий Васильевич Сальников, Александр Анатольевич Суслов, Елена Борисовна Юрова... А это в жизни, я считаю, многое значит.

Беседовала Ирина Александрова

Воскресенская еженедельная газета «Куйбышевец»,
12 июля 2013 года.

Человек команды

Трудно было бы подобрать другое название, ведь и сам Виктор Иванович Лысенков так формулирует своё жизненное кредо, хотя чаще всего в жизни ему выпадали именно руководящие посты. Сейчас он возглавляет Воскресенское литобъединение «Радуга» им. И. И. Лаженникова, однако немалое место в его жизни занимает и работа по изучению истории родного края.

— Виктор Иванович, почему Вы заинтересовались краеведением, хотя по роду деятельности всегда были скорее «технарём», нежели гуманитарием?

— Забавная деталь — в детстве я сменил немало адресов проживания, не выходя из дома. Деревня Губино на реке Нерской, откуда я родом, переходила «из рук в руки» несколько раз, числилась некоторое время даже за Люберецким районом (страсть к «укрупнению-разукрупнению» родилась, как видите, не сегодня). Возможно, отчасти поэтому хотелось заняться таким запутанным и трудным делом, как краеведение.

Но серьёзный интерес проявился в конце 1970-х годов, когда жизнь свела с воскресенскими журналистами-газетчиками. Тогда в редакции «районки», располагавшейся «над аркой» дома 19 по Октябрьской улице, вечерами нередко собирались не только штатные сотрудники газеты «Коммунист», но и редакторы многотиражных изданий «Куйбышевец» (химкомбинат), «За цемент» (завод «Гигант»), «За строительные материалы» (комбинат «Красный

Строитель»), «Горняк Подмосковья» (горно-химический завод), «Маяк коммунизма» (совхоз «Воскресенский»), а также активные общественные корреспонденты — «рабселькоры». Я тоже был «внештатником» — от горкома комсомола редактировал молодёжную страницу «Смена» (потом — «Экспресс ровесников»).

На этих дружеских посиделках как по Пушкину: «бойцы вспоминали минувшие дни...». Колоритные были люди: Анатолий Сальников, Сергей Кристи, Сергей Баранов, Вячеслав Самарцев, Виктор Голдачёв, Леонид Жуков, Александр Иванов, Роберт Чарчоглян, Пётр Бычков и другие. Не обо всём в те годы можно ещё было писать, а «бойцы» знали и помнили многие любопытные события и истории из жизни страны и Воскресенска. Здесь я и увлёкся краеведением.

Хотя были и другие причины, судьба иногда к чему-то ощутимо подталкивает. Например, мой отец во время Великой Отечественной войны служил в разведке. Однажды, возвращаясь с задания, его группа напоролась на встречный немецкий отряд. Благодаря быстрой реакции отца противник был уничтожен полностью, причём наши обошлись без потерь. И вот, воспользовавшись интернетом, прочёл, что, оказывается, отец награждён за свой подвиг орденом Красной Звезды, но ему так и не суждено было об этом узнать...

— И Ваша первая книга была краеведческая, конечно?

— Во всяком случае, имела к вопросу краеведения непосредственное отношение. Книга посвящена пользовавшемуся большой известностью в своё время, а теперь почти забытому, хотя и незаслуженно, писателю Борису Пильняку, судьба которого причудливо переплелась

с деревней Кривякино (сейчас – улица Куйбышева). Тема показалась мне очень важной и интересной, а для воскресенцев она стала откровением. Пришлось изрядно потрудиться в поисках материалов и документов.

— **И труд даром явно не пропал, горожане заинтересовались творчеством Пильняка и героями других Ваших книг.**

— Да, Воскресенску особенно повезло в том, что он стал на несколько лет местом жительства семьи писателей – Константина Ваншенкина и Инны Гофф, которых я, конечно, не мог обойти вниманием. С Константином Яковлевичем и его дочерью Галиной я познакомился ровно двадцать лет назад. Мы очень подружились, а с Галиной Константиновной и до сих пор поддерживаем тёплые отношения (Константин Яковлевич ушел из жизни в 2012 году).

— **О ком же пишете сейчас?**

— Вопрос и лёгкий, и не совсем. У меня почти готов дополненный материал о герое Великой Отечественной войны Ахмете Симаеве, соратнике Мусы Джалиля. Как и почти в любом краеведческом исследовании, львиная доля работы приходится на архивные поиски, а собранное надо, естественно, литературно обработать. На очереди история нашего литературного объединения, которому 20 октября 2019 года исполнится 20 лет. Ждет завершения и отправки в издательство книга рассказов.

Времени катастрофически не хватает, поскольку на общественных началах редактирую и чужие произведения. Это не только сборники поэзии и прозы воскресенских литераторов, но и наших давних болгарских друзей

из города Плевена. Работа трудоёмкая и кропотливая, но захватывающая, и делаю её с удовольствием.

Приятно, например, было сотрудничать с киноартистом Геннадием Юхтиным, написавшим книгу о своём детстве, частью прошедшем в усадьбе Спасское, где в послевоенные годы находился детский дом. Рад, что смог оказать помощь протоиерею Алексею Крылову в подготовке к изданию его трёх книг о Воскресенском крае.

— **Виктор Иванович, у меня почему-то сложилось впечатление, что Вы – прирождённый руководитель.**

— Видимо, в ваших словах есть определённая доля правды, хотя никогда не лез на первые места. Предпочёл бы работать на менее заметных должностях, где мог принести пользу без отвлечения на представительские функции. Например, в раннем детстве, помню, мы с ребятами не просто играли в «войнушку», а создали целое государство, и, находясь в лесу, называлось оно незамысловато: «Лесанская республика». Так вот, ответственные должности председателей «парламента» и «правительства», «министров» распределил между гражданами, а я оставался таким руководителем-организатором. В общем, без портфеля, но с простором для нормотворчества. И, замечу, «королевских» полномочий не требовал – нравился сам процесс сотворения.

— **Многообещающее начало, я, по крайней мере, не могу припомнить аналогичных игр, кроме литературной «Швамбрании».**

— Возможно, но нам так было просто интереснее. А когда я стал постарше, вдруг оказался выдвинут на пост комсомольского «вожака» школы, хотя вряд ли из-за

рекомендаций моих бывших «сограждан» по игре, – права голоса во взрослой жизни они явно не имели. Так что, несмотря на полную неожиданность предложения, справился, вроде, с отведённой мне руководящей ролью – ведь избирали дважды.

— **Наверно, в Вас чувствовался прирождённый лидер.**

— Не знаю, не мне судить. За свою жизнь сменил несколько мест работы, но всегда старался выполнить максимум возможного, никогда не «бежал с тонущего корабля». Наоборот, оказывался в роли «кризисного» руководителя. Почти всегда приходил или на совершенно новую должность, или на «развалины» после предшественника. И всегда много внимания уделял сплочению коллектива, чёткому исполнению стоящих задач. Частенько приходилось сталкиваться с непредвиденными ситуациями, это – хорошая тренировка, благодаря которой постоянно находишься «в форме». Судя по тому, что меня до сих пор с радостью встречают бывшие коллеги, руководителем я был всё-таки (скажу скромно) неплохим.

— **Вам нравится руководить Воскресенским ЛИТО?**

— Как и любое руководство, это – прежде всего ответственность. Я сам литератор, понимаю проблемы и нужды писательской братии.

Одно время возглавлял пресс-службу администрации района. Будучи по природе человеком общительным, познакомился тогда со многими деятелями культуры нашего района – художниками, музыкантами, писателями. По их просьбе пытался помочь создать соответствующие

объединения, но, наверно, людям искусства трудно дается равноправие в коллективе. Слишком мешает иногда чересчур яркая индивидуальность, да и гонор присутствует, что греха таить.

Писатели оказались наиболее коммуникабельными, в силу специфики своей деятельности, и я очень рад этому. Скоро двадцать лет нашему сообществу, и оно успешно действует. Горжусь тем, что стоял «у истоков», жаль, что многих «первопроходцев» уже нет с нами...

— **У воскресенских литераторов сложились дружеские связи с болгарскими писателями. А язык не создаёт трудностей в вашем общении?**

— Только если в стихотворных переводах – здесь особенности культуры, образности, метафоричности. Болгары, в основном, понимают русский. Да и родство наших языков восходит к древнеславянским корням – немало общих и схожих слов. Поэтому разговариваем почти свободно.

А курьёзные ситуации иногда возникают из-за того, например, что для них кивнуть головой означает жест отрицания, а поворот головы – утверждение, согласие. То есть – полная противоположность значению подобных жестов у нас. И вот, разговариваешь с человеком, а он сочувственно смотрит на тебя и качает головой – по-нашему, не верит ни одному твоему слову. На самом-то деле – это он во всём с тобой соглашается.

— **Но Вы заговорили о стихах, значит, и поэзией занимаетесь?**

— Только переводами, сам стихов не пишу. Говорят, у меня хорошее поэтическое чутьё.

Был грех, писал в детстве, и мама как-то отнесла тетрадку в редакцию местной газеты. Там мои стихи не признали годными к печати. К печати, конечно, они и вправду не были готовы, но совет бросить писать – был явно радикален. Всплывающие в памяти юношеские строки мне – сегодняшнему – говорят о том, что определённые стихотворные задатки всё же были. Возможно, сотрудник был просто не в духе, но я запомнил это на всю жизнь.

Моему сыну с «цензорами» повезло больше: первые стихи семилетнего Андрея были опубликованы в газете «Наше слово», и с тех пор он неизменно идёт в гору по поэтической тропе.

А я... я пишу о поэтах, живших на нашей земле.

— Обидно, нельзя детям так «давать по рукам», тем более, что мнения о стихах бывают часто самые противоречивые. А как Вы относитесь к работе современных средств массовой информации?

— Спокойно и с пониманием. Ведь я сам состою в Союзе журналистов. Как уже говорил, возглавлял районную пресс-службу, начинал налаживать наше городское телевидение, практически на пустом месте. Справлялся с работой во многом благодаря своей врождённой общительности, ведь тогда очень многих людей надо было привлечь к сотрудничеству.

Прессе же хотелось бы пожелать большего профессионализма. Готовя материал к печати, очень важно знать «историю вопроса», ведь и до вас эти проблемы наверняка тоже пытались решать. Важно понять, почему это не получилось. А то, возвращаясь к теме, один корреспондент, обращаясь ко мне, начал так: «Вы всю жизнь проработали в соцзащите...» (а я тогда на работу в управление соцзащиты только пришёл). Тут я понял, что

серьёзный разговор не заладится – ведь к встрече явно не готовились. Это тоже из категории «история вопроса».

— Но некоторое время Вы ведь проработали в соцзащите?

— Да, перед уходом на «заслуженный отдых» почти четырнадцать лет трудился в управлении социальной защиты населения. Сложный труд, хотя, как говорится, кому сейчас легко. Но у социальной работы своя специфика и особенная миссия – помощь людям. И при этом большое значение имеет человеческое общение, умение выслушать, понять, найти верное и законное решение проблемы. Это не столько стремление, сколько суть и главная обязанность социальной службы. Надеюсь, что принёс на этом месте некоторую пользу. И с коллективом, как всегда мне, конечно, повезло.

— Думаю, что коллективам тоже повезло с Вами, что могут охотно подтвердить и воскресенские литераторы.

Беседовала Елена Хмырова

Воскресенская еженедельная газета «Куйбышевец»,
15 февраля 2019 года.

Взамен биографической справки

*(Из Воскресенской районной газеты
«Наше слово» от 4 апреля 2014 года)*

**Государственному советнику I класса
известному литератору и краеведу
Виктору Лысенкову исполнилось 60 лет**

Трудовая и творческая биография этого человека впечатляет. Цепкий аналитический ум, феноменальное трудолюбие, высокие организаторские способности он поставил на службу родному Воскресенску и его жителям.

Годы становления личности, с одной стороны твёрдой, решительной, целеустремлённой, не были лёгкими. Воспитывался в многодетной семье, в д. Губино, рано остался без родителей, сам пробивал себе дорогу и нашёл своё место в жизни благодаря упорному характеру, недюжинным способностям, крепким знаниям и стремлению всегда быть в гуще людей и событий. В школе Виктор – секретарь комсомольской организации. После окончания дневного отделения Московского

автомеханического института трудится инженером-конструктором испытательной станции Государственного союзного научного тракторного института НАТИ, мастером участка Воскресенского спецавтоцентра ВАЗа.

С января 1978 года Лысенков на комсомольской работе: более трёх лет заведует отделом оборонно-массовой и спортивной работы в Воскресенском ГК ВЛКСМ. Затем столько же руководит городским комитетом ДОСААФ, 11 лет председательствует в райкоме профсоюза работников агропромышленного комплекса, а ещё три года работает директором медицинского центра. В эти годы он неоднократно избирается депутатом районного Совета народных депутатов.

Настоящей школой жизни стала «ударная пятилетка» в качестве заведующего информационно-аналитическим отделом администрации Воскресенского района. Именно тогда Виктор Лысенков организовывал, направлял и контролировал проведение многих общественно значимых мероприятий.

В 2002 году он получил второе высшее образование, успешно окончив факультет «Менеджмента и экономической политики» Московского государственного открытого университета. С июля 2001 года и по настоящее время трудовая биография юбиляра связана с социальной защитой населения, где он прошёл путь от начальника отдела до заместителя начальника территориального управления.

Многолетний и добросовестный труд Виктора Ивановича отмечен правительственными наградами, Почётными грамотами и знаками отличия Губернатора Московской области, Председателя Московской областной Думы, Министерства социальной защиты населения МО, главы Воскресенского муниципального района. Он лауреат Премии Московской областной Думы в области социальной защиты населения.

Но не менее известна и плодотворна его деятельность на литературном поприще. Виктор Иванович – член Союза писателей России и член Союза журналистов России, заместитель руководителя литобъединения «Радуга» им. Лажечникова, член высшего творческого совета и совета литературных объединений Московской областной организации Союза писателей России. Благодаря его усилиям начиная с 1999 года в нашем районе издаётся литературный альманах «Воскресенск – моя родина светлая...», где в 5 томах собраны лучшие произведения воскресенских поэтов, прозаиков, фотохудожников. Он также является и председателем редакционного совета русско-болгарской антологии «Созвучие».

Живой отклик в нашем районе и за его пределами находит его многогранная литературная и краеведческая деятельность. В глубоких исследованиях литературного наследия Инны Гофф и Константина Ваншенкина отражены малоизвестные страницы жизни и творчества этих выдающихся личностей. Работы Виктора Лысенкова на краеведческую тему вошли в число наиболее ценных и значимых для Воскресенского района. Он автор таких книг, как «Адрес мой: ст. Воскресенск...», «Воскресенские пенаты», «Не просто возраст...», «Излучины бытия». Вклад лауреата многих областных и районных конкурсов в культуру высоко оценён коллегами по перу. Он удостоен медалей: Золотой Есенинской, имени М. Ю. Лермонтова, имени А. П. Чехова.

Но самой большой наградой для юбиляра стали его дети – сын Андрей и дочь Елена. Они пошли по стопам своего отца, увлечшись творчеством. И сегодня Андрей, несмотря на молодость, по праву входит в число самых талантливых и читаемых и именитых воскресенских поэтов. Ради этого стоило жить и трудиться.

Виктор Иванович Лысенков – добрый друг нашей газеты и её постоянный автор. Коллектив информационного

агентства от всей души поздравляет мастера печатного слова, талантливого организатора, новатора, эрудита с юбилеем и желает отменного здоровья, благополучия и реализации всех жизненных и творческих планов!

Пояснения к фотографиям

Стр. 5 – лоси на картине Николая Ивановича Долгополова.

Стр. 12 – годовалый автор книги на коленях у брата Бориса (1955 год); четвероклассник-пионер Витя Лысенков (май 1965 года); Иван Алексеевич Лысенков (вверху справа) с супругой Клавдией Ивановной, младшими детьми Владимиром, Иваном, Антониной, Виктором и свояком Константином Дмитриевичем Князевым (1958 год); Виктор Лысенков после принятия военной присяги (1976 год).

Стр. 14 – Клавдия Ивановна Лысенкова (1950-е годы); К.И. Лысенкова (сидит вторая слева) в кругу родственников, справа от неё сёстры Валентина Ивановна Князева и Александра Ивановна Ермилова (1960-е годы); эскиз «чудо»-трактора ТМС-250; задумчивый автор (осень 1976 года).

Стр. 22 – подружки: Люся Зубарева, Тоня Лысенкова, Таня Акулина (начало 1960-х годов); сзади брата Бориса барак, крайние слева два окна в котором – комната, где жила семья автора (1950-е годы).

Стр. 24 – заслуженная артистка РСФСР Валентина Харлампиевна Владимировна; Александра Михайловна и Николай Иванович Гончаровы (1980-е годы); молодожёны Любовь и Виктор Лысенковы (7 октября 1979 года); регистрация брака Любви и Виктора Лысенковых (6 октября 1979 года).

Стр. 31 – Андриюшкина череПашка.

Стр. 35 – часть рода Лысенковых в трёх поколениях на 75-летию Анатолия Ивановича (2016 год); Клавдия Ивановна Лысенкова (в центре) в кругу своих детей – в верхнем ряду: Борис, Сергей, Владимир, Виктор, в нижнем ряду: Анатолий, Антонина, Вера (жена Анатолия), Иван (1968 год); на лодочной станции дома отдыха: Иван Алексеевич Лысенков, Владимир Никифорович Воробьёв и Онисья Притуло (1956 год).

Стр. 38 – Виктор Лысенков, Галина Сухарева, Ольга, Андрей, Елена, Любовь Николаевна Лысенковы на презентации поэтического сборника Андрея «Високосный век» (2015 год); Виктор Иванович с внуками Соней, Дашей, Сашей и маленьким Димой (2020 год).

Стр. 39 – мемориальная доска И.А. Гофф на доме № 4 по улице Инны Гофф.

Стр. 40 – Иван Алексеевич Лысенков (1958 год).

Стр. 77 – Инна Анатольевна Гофф (1980 год); перед презентацией книги «Летом в Воскресенске» во Дворце культуры «Химик» (Воскресенск) – сидят: Виктор Лысенков, Нина Лапина, Константин Ваншенкин, Евгений Симонов, стоят: Светлана Белоус, Александр Мастеров, Алла Орлова, Андрей Лебедев (19 декабря 1998 года); Андрей Турков, Константин Ваншенкин, Виктор Лысенков, Галина Ваншенкина в Воскресенске на улице Инны Гофф (6 октября 2007 года); Ян Френкель, Константин Ваншенкин, Инна Гофф (1964 год).

Стр. 82 – на обоих снимках Борис Андреевич Пильняк; Борис Вогау (Пильняк) с мамой Ольгой Ивановной и сестрой Ниной в Кривякино (весна 1915 года).

Стр. 83 – воскресенские мотивы в графике Николая Ивановича Долгополова.

Стр. 89 – после презентации первого номера альманаха «Воскресенск – моя родина светлая...» (20 октября 1999 года); встреча воскресенских писателей с болгарскими коллегами в городе Плевен (май 2018 года).

Стр. 97 – Виктор Иванович Лысенков, народный артист России Геннадий Гаврилович Юхтин, Лидия Михайловна Юхтина.

Стр. 98 – Виктор Иванович Лысенков.

Стр. 101 – Виктор Иванович Лысенков, «космонавт-2» Герман Степанович Титов, Анатолий Васильевич Сальников (1998 год); Виктор Лысенков, редакторы Раменской газеты «Родник» Виктор Мельников и Воскресенской газеты «Наше слово» Людмила Башкирова (2000 год); с коллективом Воскресенского управления социальной защиты населения Министерства социального развития Московской области (2015 год).

Содержание

Андрей Лысенков. Часть жизни 4

РАССКАЗЫ

Страсти-мордасти	6
Пасхальное утро детства моего	10
Кваску или водички?	13
Заточение в «университетах»	15
...И вдруг алтын.	21
Так Падой и прозвали	23
Киношное пророчество	25
Тарасик	30
Беглый арестант	32
За погрузку замков	34
К последней инстанции.	39

ОЧЕРКИ

Звезда фронтового разведчика Ивана Лысенкова	40
Георгиевский кавалер Василий Андриянов.	53
Здесь Отчизна моя... ..	61
Как в Кривякино Пильняка «прописывали».	78

ИНТЕРВЬЮ

О литературном отдыхе, рыбе-клен и земляках-воскресенцах.	84
Человек команды	90

Взамен биографической справки 98

Пояснения к фотографиям 102

Виктор Иванович Лысенков

БЫЛО ВРЕМЯ, БЫЛИ ЛЮДИ...

Рассказы, очерки

Редактор – А.В. Лысенков
Вёрстка – Е.В. Анисимова
Корректор – Л.Н. Булычёва

ООО «Издательство Серебро Слов»

Телефон: 8 (916) 964-84-64

E-mail: dogovor.serebro@gmail.com

Сайт: www.tvoyakniga.ru

Интернет-магазин:

www.tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/

Подписано в печать 30.06.2020

Формат 90x60 ¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Тираж 500 экз. Заказ № 155738

Отпечатано в